

ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК ВКП(б)

П. Н. ФЕДОСЕЕВ
член-корреспондент АН СССР

УСЛОВИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

*Лекции, прочитанные
в Высшей партийной школе
при ЦК ВКП(б)*

МОСКВА

1951

ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК ВКП(б)

*Кафедра диалектического и
исторического материализма*

*П. Н. ФЕДОСЕЕВ
член-корреспондент АН СССР*

*УСЛОВИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ
ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА*

*Лекции, прочитанные
в Высшей партийной школе
при ЦК ВКП(б)*

МОСКВА

1951

Способ производства как главная сила общественного развития

Исторический материализм учит, что общественное бытие определяет общественное сознание: изменения в области общественного бытия вызывают соответствующие изменения во всех формах общественного сознания. Но встает вопрос, чем вызываются и определяются изменения в самом общественном бытии, в силу чего само общественное бытие развивается и изменяется, вызывая соответствующие изменения во всей общественной надстройке, в формах общественного сознания.

В древние времена люди полагали, что движущими силами общественного прогресса являются боги и герои. Богам и героям люди приписывали технические изобретения и все перемены в жизни общества. Этот взгляд с некоторыми видоизменениями удерживался на протяжении многих веков и теперь еще разделяется темными, отсталыми людьми. Этот взгляд настойчиво проповедуется богословами, стремящимися в угоду эксплуататорским классам распространять ложные представления об общественной жизни и заглушивать действительные причины общественного развития.

В более утонченной форме этот взгляд пропагандируется всеми философами-идеалистами, которые рука об руку с попами и другими разносчиками мракобесия затемняют сознание народных масс и усердно помогают эксплуататорам держать в узде угнетенные массы трудящихся. Различие между философами-идеалистами, с одной стороны, и попами — с другой, состоит лишь в том, что на место бога идеалистическая философия ставит некий мистический дух и объявляет его главной силой общественного развития. Ревностным проповедником реакционно-идеалистических общественных взглядов являлся немецкий философ Гегель. Ссылками на абсолютный дух как на движущую силу развития Гегель по сути дела защищал привилегии дворянства, незыблемость частной собственности, королевской власти. При помощи того же абсолютного духа Гегель пытался обосновать «право» немцев господствовать над другими народами. С точки зрения Гегеля, всемирная история есть проявление духа во времени. Гегель уверял, что немцы и являются тем народом, который призван быть носителем высшей ступени развития мирового духа.

Философы-материалисты домарковского периода, давая материалистическое объяснение явлениям природы, в понимании общественной жизни стояли на идеалистической точке зрения. Перемены

в общественной жизни они объявляли результатом изменения сознания людей, результатом прогресса разума.

Таким образом, идеалистическое понимание истории сводится к тому, что будто бы сознание людей или некий стоящий над миром дух вызывает изменения во всей общественной жизни и является движущей силой общественного прогресса. Причины всех изменений в общественной жизни идеалисты видят либо в изменении сознания людей, либо в развитии абсолютного духа. Но если допустить, что развитие сознания вызывает изменения во всей общественной жизни, то чем в этом случае объяснить изменения самого сознания? Ответ идеалистов гласит: таковы свойства духа. Этот ответ лишь отодвигает вопрос, но не разрешает его.

Возникновение материалистического понимания истории означало революционный переворот во взглядах на общество. В противоположность идеализму исторический материализм утверждает, что источник общественного развития надо искать не в свойствах духа, а в условиях материальной жизни общества, которые определяют в конечном счете характер общественного строя, общественные идеи и его политические учреждения.

Но что представляют собой условия материальной жизни общества? Товарищ Сталин в работе «О диалектическом и историческом материализме» дал исчерпывающий и предельно ясный ответ на этот вопрос. В понятие «условия материальной жизни общества» входит прежде всего географическая среда, окружающая людей природа. Она оказывает определенное влияние на развитие общества, служит одним из необходимых условий его материальной жизни, но не является главной, определяющей причиной общественного развития. В понятие «условия материальной жизни общества» входит рост народонаселения, который имеет определенное влияние на развитие общества, но рост народонаселения, та или иная плотность населения также не может служить главной, определяющей силой общественного развития.

Главной силой развития общества марксизм считает способ производства материальных благ, необходимых для существования людей. Изменения в общественной жизни, развитие общества, его движение вперед вызываются в конечном счете изменениями, развитием способа производства, производственной деятельности людей.

Но почему способ производства признается главной, определяющей силой общественного развития? Потому, что именно производство доставляет людям средства к жизни, которые необходимы для того, чтобы общество могло жить и развиваться. Прежде чем заниматься политикой, наукой, философией и т. д., люди должны жить, а для этого они должны производить средства существования. Способ производства материальных благ является поэтому необходимым и решающим условием жизни общества. Как в природе материя является первичным, а сознание вторичным, произ-

водным, так и в обществе развитие производства материальных благ предшествует развитию духовной жизни общества.

Люди выделились из животного мира, создали человеческое общество и достигли высокого развития цивилизации именно благодаря производству средств существования. Животные пользуются средствами существования, которые они находят готовыми в природе, пожирая растительную пищу или других животных. Поэтому животные находятся в полной зависимости от окружающей природы. Изменения в животном мире происходят лишь в силу стихийных законов развития природы, в силу изменения естественных условий существования животных. Человек не пассивно приспосабливается к природе, но активно воздействует на нее, заставляет природу служить своим целям, все больше и больше подчиняет ее себе, преобразует вещества природы, изготовляя из них средства своего существования. Этим отличием от животных человек обязан именно труду, производству. Именно благодаря труду человек в течение длительного исторического периода постепенно овладевал силами природы в своих интересах. Труд, указывает Маркс, есть вечное, естественное условие человеческой жизни.

Способ производства обуславливает развитие и изменение общества. Производство обладает той особенностью, что оно не может стоять на месте, оно непрерывно изменяется. Если географическая среда есть величина более или менее постоянная, то способ производства непрерывно изменяется. В зависимости от изменения способа производства совершается переход от одного общественно-го строя к другому и не к любому другому, а именно к тому, для которого созрели соответствующие материальные условия. Вот почему не в свойствах духа, не в географической среде и не в росте населения, а в способе производства марксизм видит главную, определяющую силу общественного развития.

Для производства средств существования необходимы орудия производства. В собственном смысле производство и начинается лишь с изготовления орудий производства. Использование палки и камня в качестве «орудия» для удара и метания встречается и у обезьян. Создание и употребление искусственных орудий труда составляет характерную отличительную черту человеческого труда. Орудия труда — это, как указывает Маркс, не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд. «Таковую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций»¹.

Поэтому первобытная история народов подразделяется на каменный век, бронзовый век и железный век в зависимости от характера орудий труда. Маркс отмечает, что орудия труда, которые можно назвать костной и мускульной системой производства,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 200.

составляют характерные отличительные признаки определенной эпохи общественного производства.

Для производства необходимы не только орудия труда, но прежде всего люди, умеющие производить эти орудия и пользоваться ими. Все это вместе взятое характеризует производительные силы общества.

Товарищ Сталин дал классическое определение производительных сил общества.

«Орудия производства, при помощи которых производятся материальные блага, люди, приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ благодаря известному производственному опыту и навыкам к труду, — все эти элементы вместе составляют производительные силы общества»¹, — учит товарищ Сталин.

В процессе производства материальных благ люди используют предметы и силы природы, но эти последние не входят в понятие производительных сил. Земля, сырые материалы, топливо и другие средства производства являются необходимыми условиями производства, но сами по себе они не могут определить изменение, развитие производства.

Марксизм учит, что решающей, главной производительной силой является сам человек, сами производители, трудящиеся массы. «Из всех орудий производства, — говорил Маркс, — наибольшую производительную силу представляет сам революционный класс»².

Анализируя экономическую обстановку и пути развития страны в 1918 году, Ленин говорил, что в стране, которая разорена, первая задача — спасти трудящегося. Первая производительная сила всего человечества, указывал Ленин, есть рабочий, трудящийся, поэтому, если он выживет, мы все спасем и восстановим.

В этом же направлении идут указания товарища Сталина, что «из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры». Именно люди составляют главную производительную силу, от них исходит оживляющее, преобразующее природу воздействие человеческого труда.

Социал-демократические теоретики опошлили и извратили марксистское понимание производительных сил. Они отождествили производительные силы общества, постоянно растущие, развивающиеся, с естественными силами природы, которые на протяжении длительного времени остаются более или менее постоянными. Так, небезывестный социал-демократический идеолог Кунов утверждал: «К производительным силам относятся все силы, применяемые в общественном производственном процессе, — как силы природы, так и рабочая сила человека и животных и так называемая сила техни-

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 550. Изд. 11.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 415.

ки». Такое же толкование производительных сил распространял лидер немецкой социал-демократии Каутский, включавший в понятие производительных сил залежи угля, нефти, железа, дикие стада животных, растения.

Смешивая производительные силы общества с естественными богатствами природы, социал-демократические теоретики запутывали вопрос об источниках общественного развития, о движущих силах, определяющих изменения в общественной жизни. При этом посредством отождествления производительных сил общества с силами природы эти «ученые» прислужники буржуазии стремились завульгаризовать социальные противоречия в буржуазном обществе, прикрасить конфликт между возросшими производительными силами общества и отжившим капиталистическим общественным строем. Двести-триста лет назад неиспользованных залежей угля, нефти, железа было больше, чем в эпоху империализма, но это не значит, что тогда производительные силы были более могущественными. Наоборот, за это время производительные силы в огромной степени возросли, пришли в вопиющее противоречие с капиталистической системой хозяйства, а реформисты стараются замазать эти противоречия.

Классически-чеканное определение производительных сил, данное товарищем Сталиным, разбивает социал-демократические извращения этого важнейшего понятия исторического материализма, вносит полную ясность в вопрос о сущности производительных сил.

Коренные причины общественного развития заключены в самом процессе труда, в производственной деятельности людей. Именно в производственной деятельности людей заложена та творческая сила, которая двигает вперед развитие производительных сил, развитие производства в целом. Таким образом, источник прогресса общества, источник развития производительных сил находится внутри самого общества, а именно — в производственной деятельности людей.

Маркс в «Капитале» писал: «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить веществу природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти»¹.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 184—185, Изд. 1949.

Воздействуя на природу в процессе производства, человек преобразует предметы природы, приспособливает их к своим потребностям и целям. С другой стороны, он совершенствует свои навыки к труду, свой производственный опыт, свое умение овладевать природой, развивает свои способности в процессе производства.

Характеризуя роль средств производства и человеческого труда в процессе производства, Маркс отмечает: «Машина, которая не служит в процессе труда, бесполезна. Кроме того она подвергается разрушительному действию естественного обмена веществ. Железо ржавеет, дерево гниет. Пряжа, которая не будет использована для тканья или вязанья, представляет испорченный хлопок. Живой труд должен охватить эти вещи, воскресить их из мертвых, превратить их из только возможных в действительные и действующие потребительные стоимости»¹.

Естественные условия и орудия труда — это еще только возможность для производства, но нужен живой труд, чтобы превратить возможность в действительность, использовать эти условия для производства материальных благ, необходимых человеку. Маркс указывает: «Охваченные пламенем труда, который ассимилирует их как свое тело, призванные в процессе труда к функциям, соответствующим их идее и назначению, они хотя и потребляются, но потребляются целесообразно, как элементы для создания новых потребительных стоимостей, новых продуктов, которые способны войти как жизненные средства в сферу индивидуального потребления или как средства производства в новый процесс труда»².

Созданные человеческим трудом материальные блага служат основой для дальнейшего развития производства. С одной стороны, они являются средством существования людей, т. е. средством воспроизводства рабочей силы, с другой стороны, в виде орудий труда, сырых и вспомогательных материалов они становятся средствами производства. Но и в том, и в другом случае материальные блага выступают как источник дальнейшего развития самого производства.

В этом смысле, говорит Маркс, производство можно рассматривать как потребление, а потребление в свою очередь как производство. В процессе производства потребляются рабочая сила и ранее созданные средства производства. Потребление нельзя рассматривать как простое уничтожение произведенных благ. Оно есть, во-первых, восстановление рабочей силы, необходимой для дальнейшего производства; во-вторых, потребление средств производства в процессе труда есть новый процесс самого же производства.

Потребление создает потребность в новом производстве и является, по словам Маркса, внутренне побуждающим началом

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 190.

² Там же.

и целью производства. Без потребления нет производства. С развитием производства растут и потребности людей. Производство не только создает предметы потребления, но создает определенный способ потребления, обуславливает разнообразие и уровень потребностей и потребления. Ограниченному производству дикарей, например, соответствовали и их ограниченные потребности. Человек современного общества не может жить и развиваться при тех средствах существования, которыми довольствовался первобытный человек, ибо с развитием производства возрастали и потребности людей.

Экономическое развитие и прогресс общества невозможны без известного накопления материальных благ, произведенных трудом, без некоторого превышения производства материальных благ над их потреблением. История знает простое воспроизводство и расширенное воспроизводство. При простом воспроизводстве ежегодно производится одно и то же количество продуктов. При расширенном воспроизводстве объем производимых материальных благ растет из года в год. В начале человеческой истории преобладало простое воспроизводство, и лишь на протяжении длительного периода происходило некоторое увеличение и накопление производимых материальных благ в виде средств производства. Этим обуславливалось крайне медленное развитие общества в первобытные времена. С ростом производительности труда расширенное воспроизводство все чаще и чаще становится правилом, но и тут в силу социально-экономических условий эксплуататорского общества производство сплошь да рядом низводилось до уровня простого воспроизводства и длительное время топталось вокруг этого уровня. Но в целом в истории пробивала себе дорогу тенденция к расширенному воспроизводству.

«В самых различных общественно-экономических формациях, — говорит Маркс, — имеет место не только простое воспроизводство, но и воспроизводство в расширенных размерах, хотя последнее совершается не в одинаковом масштабе. С течением времени все больше производится и больше потребляется, следовательно больше продукта превращается в средства производства»¹.

Решающей предпосылкой для развития производства, для накопления средств производства, для экономического развития общества вообще является рост производительности труда. Люди с их производственным опытом и навыками к труду обеспечивают прогресс производства. Живой труд переносит на произведенный продукт стоимость потребленных им средств производства и вместе с тем присоединяет к ней новую стоимость. В процессе производства совершенствуются и орудия производства.

Таким образом, главная производительная сила есть сам человек, от него исходит то движение, которое оживляет средства производства, приводит их в действие. Значит, развитие производительных сил имеет своим источником внутреннюю диалектику самого

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 657.

производства, которое по самой своей природе — не мертвое, неподвижное, застывшее состояние, а непрерывный процесс, вечно устремляющийся вперед.

Производственный опыт людей воплощается не только в совершенствовании орудий производства, но также и в развитии научных знаний.

Наука играет исключительно важную роль в развитии производительных сил. При этом наука движется вперед вовсе не какими-то потенциями духа, как это утверждают идеалисты, а потребностями материального производства. Крупнейшие открытия, изобретения, знаменовавшие революцию в развитии познания, всегда были связаны с жизнью и являлись ответом на потребности производства, на потребности развития производительных сил.

Маркс и Энгельс, анализируя важнейшие научные открытия, показали, как эти открытия вызывались техническими потребностями. Энгельс в письме к Штаркенбургу писал:

«Если, как Вы утверждаете, техника в значительной степени зависит от состояния науки, то в гораздо большей мере наука зависит от состояния и потребностей техники. Если у общества появляется техническая потребность, то она продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов. Вся гидростатика (Торичелли и т. д.) вызвана была к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии в XVI и XVII веках. Об электричестве мы узнали кое-что разумное только с тех пор, как была открыта его техническая применимость. В Германии, к сожалению, привыкли писать историю наук так, как будто бы они свалились с неба»¹.

Наука бесспорно имеет огромное значение в развитии производства. Но при всем этом наука сама зависит в конечном счете от условий материальной жизни общества. В буржуазных странах прогресс науки используется реакционерами для озлобленных атак на материалистическое мировоззрение. Идеологи буржуазии преподносят научные открытия как доказательство первенства духа перед материей, как доказательство зависимости развития общества от развития сознания. Усиленно проповедуется реакционная теория технократии, согласно которой обществом призваны управлять инженеры, ученые и т. д.

Исторический опыт учит, что как бы ни развивалась наука, как бы ни велики были ее открытия, она всегда остается в зависимости от развития производительных сил, от развития общественной жизни. Прогресс науки не колеблет, а, наоборот, подтверждает и укрепляет материалистическое понимание истории.

Развитие науки, естественно, оказывает обратное воздействие на развитие производства, на развитие общественной жизни. Но раз-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 469—470. Изд. 1947.

витие науки подчиняется основным законам общественной жизни так же, как и развитие всех других общественных явлений.

Загнивание капитализма в империалистическую эпоху привело к задержке прогресса науки и техники; капиталистический строй все более тормозит развитие науки и применение ее достижений в производстве. Наоборот, победа социализма в СССР привела к небывалому расцвету науки, и советские ученые смогли не только догнать, но превзойти достижения зарубежной науки в ряде важнейших областей знания. Достижения науки в советском обществе беспрепятственно и организовано внедряются в производство, содействуя быстрому техническому прогрессу всех отраслей народного хозяйства, ускоренному развитию социалистических производительных сил.

Исторический материализм учит, что люди производят материальные блага не в одиночку, не изолированно друг от друга. Производство обособленных индивидов вне общества, говорит К. Маркс, — это такая же бессмыслица, как развитие языка без совместно живущих и разговаривающих между собой индивидов. В процессе производства люди вступают в определенные отношения друг с другом. Эти отношения есть производственные отношения.

В крупной промышленности общественный характер производства очевиден сам собой. Но даже индивидуальное крестьянское хозяйство в условиях феодализма или капитализма, которое выглядит на первый взгляд как нечто замкнутое, обособленное, находится в многосторонних экономических отношениях. Крепостной крестьянин находится в определенных производственных отношениях к помещику, отбывая барщину и выплачивая оброк в натуральной или денежной форме. Мелкособственническое крестьянское хозяйство в условиях капитализма втягивается в рыночный товарооборот, многообразными нитями связывается с капиталистической системой хозяйства, подвергаясь эксплуатации со стороны кулаков, купцов, ростовщиков, банкиров, крупных землевладельцев.

Явления общественной жизни, как и явления природы, находятся во взаимной связи и взаимной зависимости друг от друга. В общественном производстве нет изолированных, независимых друг от друга производителей. Взаимная связь людей в процессе производства и проявляется прежде всего в форме производственных отношений.

«В общественном производстве своей жизни, — говорит Маркс, — люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения, — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного со-

знания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»¹.

В сложной сети общественных явлений марксизм выделил производственные отношения людей как основные, существенные, определяющие собой все другие общественные отношения. Политические, правовые, нравственные и другие отношения, которые идеалисты выставляют в качестве первичных и определяющих собой развитие человеческого общества, предстали теперь как производные от производственных отношений и ими обуславливаемые.

Марксизм раскрыл общественный характер производства, за отношениями вещей вскрыл отношения людей и доказал зависимость всех сторон общественной жизни от экономической структуры общества.

Характеризуя производственные отношения людей, товарищ Сталин указывает:

«Люди ведут борьбу с природой и используют природу для производства материальных благ не изолированно друг от друга, не в качестве оторванных друг от друга одиночек, а сообща, группами, обществами. Поэтому производство есть всегда и при всех условиях общественное производство. Осуществляя производство материальных благ, люди устанавливают между собой те или иные взаимные отношения внутри производства, те или иные производственные отношения. Отношения эти могут быть отношениями сотрудничества и взаимной помощи свободных от эксплуатации людей, они могут быть отношениями господства и подчинения, они могут быть, наконец, переходными отношениями от одной формы производственных отношений к другой форме. Но какой бы характер ни носили производственные отношения, они составляют — всегда и при всех строях — такой же необходимый элемент производства, как и производительные силы общества»².

Поэтому способ производства охватывает не только производительные силы, но и производственные отношения людей. Производительные силы выражают отношение людей к предметам и силам природы, которые используются для производства материальных благ. Производственные отношения выражают отношения людей друг к другу, которые независимо от них складываются в процессе производства. Способ производства есть воплощение единства производительных сил и производственных отношений. Состояние производительных сил характеризуется степенью развития орудий производства и производственного опыта людей, а состояние производственных отношений характеризуется формой собственности на средства производства, т. е. тем, в чьем владении находятся средства производства (земля, леса, недра, сырые материалы, орудия производства и т. д.).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. I, стр. 6

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 550—551.

Формы собственности, т. е. отношения людей к средствам производства, определяют собой характер общественно-экономических формаций. «Каковы бы ни были, — указывал Маркс, — общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но в состоянии отделения друг от друга и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того, чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной структуры»¹.

Ревизионисты на разные лады фальсифицировали марксистское понимание производственных отношений. Одни из них отвергали материальную основу производственных отношений, а именно отношение людей, классов к средствам производства, и трактовали производственные отношения идеалистически, как чисто правовые или даже морально-психологические отношения. Другие же давали вульгарно-механистическое толкование производственным отношениям, изображая их как организационно-технические отношения, как техническую расстановку людей на производстве. И те и другие затушевывали классовый характер производственных отношений буржуазного общества, замазывали антагонизм между классами, основанный на различном отношении их к средствам производства. Современные правые социалисты утверждают, будто в буржуазном обществе исчезает разница между классами, уничтожаются грани между рабочими и капиталистами. Марксистско-ленинское понимание производственных отношений разбивает эти реакционные домыслы, раскрывает классовую структуру и основы классовых противоречий любого антагонистического общества.

В зависимости от форм собственности, в зависимости от того, в чьем распоряжении находятся средства производства, — в распоряжении всего общества или отдельных лиц, групп, классов, — различаются формы производственных отношений. Если средства производства являются частной собственностью, находятся во владении одной части общества, во владении определенных классов, а другая часть общества, другие классы лишены средств производства, то производственные отношения будут отношениями господства и подчинения, отношениями эксплуатации. Если в обществе нет частной собственности и средства производства находятся в распоряжении общин или всего общества, то здесь нет места для эксплуатации и производственные отношения будут отношениями сотрудничества свободных от эксплуатации людей.

При первобытно-общинном строе господствует общественная собственность, средства производства находятся в распоряжении родовых или племенных общин, и потому здесь нет эксплуатации человека человеком. С появлением частной собственности и расколом общества на классы основной производственных отношений ста-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVIII, стр. 36—37.

новится частная собственность на средства производства. Эта форма производственных отношений характерна для рабовладельческого общества, феодализма и капитализма, которые представляют различные типы производственных отношений, основанных на эксплуатации людей, на господстве и подчинении. В рабовладельческом, феодальном и капиталистическом обществе основные средства производства сосредоточены в руках господствующих классов — рабовладельцев, феодалов, капиталистов, — и поэтому здесь массы населения — рабы, крепостные крестьяне, рабочие — подвергаются жестокой эксплуатации. В социалистическом обществе нет частной собственности на средства производства, здесь основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства, и отношения людей в процессе производства являются отношениями товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации людей.

Переходные производственные отношения характеризуются тем, что они составляют переход от одной формы производственных отношений к другой. Когда в период разложения первобытной общины начал применяться рабский труд в виде так называемого домашнего рабства, экономика общества приобрела переходный характер. Наряду с общинными отношениями сотрудничества появились и отношения господства и подчинения, а затем утвердился рабовладельческий строй, одержавший победу над общинным строем жизни. Несостоятельными являются утверждения, будто рабовладельческому обществу предшествовал способ производства мелких производителей. Рабовладельческий строй пришел на смену не мелкособственническому производству, а первобытно-общинному строю.

Советские историки, исходя из марксистской теории классов и классовой борьбы, дали научное подтверждение процесса разложения первобытного общества на антагонистические классы и возникновения в его недрах отношений эксплуатации. Данные советской археологии показывают, например, что в Средней Азии, в древнем Хорезме, такого типа переходные производственные отношения складывались в середине первого тысячелетия до нашей эры. Первобытно-общинный строй здесь уже в ту эпоху сочетался с элементами раннего рабовладения¹. В Закавказье, на территории государства Урарту, переход от доклассового общества к рабовладельческому совершался еще раньше — в начале первого тысячелетия до нашей эры². В Южной Сибири, на Енисее, появление элементов рабовладения в недрах первобытно-родовой общины советские археологи относят к концу первого тысячелетия до нашей эры и к началу нашего летоисчисления³. У славянских племен

¹ См. С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 77—82. Изд. 1948.

² См. Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, стр. 336.

³ См. С. В. Киселев. Древнейшая история Южной Сибири, стр. 216—268. Изд. 1949.

превращение первобытно-общинного строя в классовый (в основном феодальный) падает на середину первого тысячелетия нашей эры¹. Переход от доклассового общества к рабовладельческому строю или, в силу особых исторических условий, к феодальным отношениям совершался в результате разложения первобытно-общинного строя и возникновения в его недрах элементов эксплуатации, что и означало переходный характер производственных отношений. Это был переход от производственных отношений, основанных на общественной собственности, к производственным отношениям, основанным на частной собственности на средства производства.

Переходный характер носит экономика после социалистической революции, когда возникает и развивается социалистический уклад, но наряду с ним остаются еще частнокапиталистический уклад и мелкотоварное хозяйство. Такой многоукладной была экономика СССР в переходный период от капитализма к социализму. При этом, понятно, производственные отношения, лежавшие в основе социалистического и капиталистического укладов, сами по себе вовсе не были переходными. Социалистический уклад как ведущий выражал собой социалистические производственные отношения и развивался в ожесточенной борьбе против капиталистических элементов. Капиталистический уклад выражал собой капиталистический тип производственных отношений, враждебный социалистическому укладу, и не мог превратиться ни в какую другую форму производственных отношений. Победа социалистических элементов над капиталистическими привела к ликвидации капиталистического уклада. Что касается мелкокрестьянского хозяйства, то оно заключало в себе противоречивые тенденции. В мелкотоварном хозяйстве не было отношений господства и подчинения, не было эксплуатации, поскольку оно базировалось на личном труде крестьян. Эти отношения нельзя было назвать и отношениями сотрудничества и взаимной помощи, поскольку они базировались на единоличном труде и единоличной собственности на средства производства. Мелкотоварное производство порождало частнокапиталистические элементы, но в условиях диктатуры пролетариата в нем была заложена и другая возможность — возможность перехода на путь социалистического развития. Осуществив коллективизацию сельского хозяйства, партия большевиков обеспечила превращение мелкотоварного хозяйства в крупное, социалистическое хозяйство. Таким образом, во всем общественном производстве утвердились социалистические производственные отношения, отношения сотрудничества и взаимной помощи свободных от эксплуатации людей.

Исторический материализм учит, что совокупность производственных отношений, соответствующих определенному уровню производительных сил, составляет базис общества, на котором вышестояет соответствующая надстройка. Товарищ Сталин дал классическое определение базиса и надстройки. «Базис есть экономи-

¹ См. Б. Д. Греков, Киевская Русь, стр. 21—22, 63—65. Изд. 1944.

ческий строй общества на данном этапе его развития. Надстройка — это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения»¹.

Базис и надстройка имеют исторически преходящий характер. Рабовладельческое общество имеет свой базис и свою надстройку, так же обстоит дело с феодализмом и капитализмом. Социалистическое общество имеет также свой базис и свою надстройку. При этом надстройка порождается базисом; всякий базис имеет свою, соответствующую ему надстройку.

Производительные силы являются определяющим элементом развития производства, а стало быть, развития всей общественной жизни. Но неправильно было бы механически связывать развитие производительных сил с изменениями в надстройке и полагать, будто любое изменение в области производительных сил вызывает немедленное изменение в надстройке. Товарищ Сталин дал гениальный анализ взаимосвязи производства и надстройки, разбил вулгаризаторские взгляды по этому вопросу. «Надстройка, — указывает товарищ Сталин, — не связана непосредственно с производством, с производственной деятельностью человека. Она связана с производством лишь косвенно, через посредство экономики, через посредство базиса. Поэтому надстройка отражает изменения в уровне развития производительных сил не сразу и не прямо, а после изменений в базисе, через преломление изменений в производстве в изменениях в базисе»².

Марксизм-ленинизм учит, что от изменения и развития способа производства зависит изменение всего строя общественной жизни.

Чем объяснить, например, возникновение классов в обществе, историю развития классов и классовой борьбы, как не развитием способа производства? Можно ли объяснить смену классов и форм их борьбы географическими условиями или ростом народонаселения? Нет, нельзя.

Только развитие и изменение способа производства объясняет нам, почему возникли классы, каким образом изменялись формы классовой борьбы и почему классы на известной ступени общественного развития должны неизбежно исчезнуть. В первобытном обществе не было классов и эксплуатации. Производительные силы были настолько неразвиты, что все, что производилось, потреблялось без остатка; избыточного продукта, который мог быть присвоен отдельными людьми, не создавалось. В первобытном обществе поэтому эксплуатация человека человеком была невозможна.

С развитием производительных сил люди стали производить больше, чем нужно для непосредственного потребления. Появился прибавочный продукт, а вместе с ним экономический стимул и ре-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 5. Госполитиздат. 1950.

² Там же, стр. 10—11.

альная возможность присвоения продуктов чужого труда; тогда именно возникают частная собственность и имущественное неравенство. В связи с этим изменяется отношение к военнопленным. Если раньше военнопленных убивали или принимали в свою общину, то теперь, когда труд людей стал давать больше, чем нужно для прокормления их самих, военнопленных заставляли работать на победителей, превращали в рабов.

Эксплуататорские классы стремились увеличить размер прибавочного продукта и усилить эксплуатацию трудящихся. Угнетенные массы не могли мириться с таким положением и стремились сбросить с своих плеч эксплуататоров. Отсюда неизбежность классовой борьбы, которая наполняет всю историю классового общества. Борьба трудящихся масс за свержение эксплуататорских классов развертывалась на протяжении тысячелетий. Но почему же эксплуатируемым массам, которых всегда было большинство, не удавалось в течение нескольких тысячелетий уничтожить господство эксплуататоров? Объяснение этого вопроса следует также искать в развитии способа производства. Энгельс в «Анти-Дюринге» писал, что существование классов было связано с относительно неразвитой производительностью труда. Пока основное большинство населения было целиком поглощено необходимой работой по добычанию средств к жизни и не имело времени для управления производственными и государственными делами, для занятия наукой, искусством и т. д., еще можно было объяснить существование особого класса людей, освобожденного от физического труда и занятого выполнением перечисленных функций. Этот особый класс существовал за счет эксплуатации большинства населения. Но с дальнейшим развитием производительных сил наступает время, когда существование такого класса становится излишним. Современные эксплуататорские классы превратились в колоссальное препятствие на пути развития общества. Они стали вреднейшими паразитами на теле общества, и уничтожение паразитических эксплуататорских классов открывает неограниченные возможности для всестороннего развития всех членов общества.

Об этом свидетельствует опыт социалистического строительства в нашей стране. Когда эксплуататорские классы были уничтожены и паразитический нарт на теле общества был снят, советский народ в полной мере развернул свои творческие силы и создал в короткий срок в отсталой, аграрной стране передовое, социалистическое хозяйство с высокоразвитой индустрией и механизированным сельским хозяйством. Если в прошлом все общественное развитие основывалось на угнетении одного класса другим, то социалистическое общество открыло новую эру в развитии человеческой истории, когда сами трудящиеся массы, без эксплуататоров, управляют общественной жизнью, развивают производство и культуру.

Вот почему марксизм-ленинизм считает, что именно в развитии производительных сил надо видеть определяющую причину всех изменений общественной жизни, что все общественные отношения

людей друг к другу определяются производственными отношениями, в конечном счете уровнем развития производительных сил.

Производительные силы являются показателем степени господства людей над силами природы. Изменения в развитии производства начинаются всегда с изменения производительных сил и прежде всего с изменения орудий труда. На примере каждого предприятия, на примере роста квалификации каждого рабочего можно наблюдать, как в самом процессе труда совершенствуются старые и открываются новые способы и приемы производства, расстановки инструмента, применения машин и т. д. В процессе труда совершенствуются инструменты, машины, растут трудовые навыки людей, накапливается производственный опыт, повышается производственная квалификация — все это в совокупности составляет развитие производительных сил общества. Так как производство совершается непрерывно, ибо люди не могут существовать без необходимых материальных благ, то и производительные силы развиваются также непрерывно; вслед за развитием производительных сил развиваются, изменяются и производственные отношения людей. Это, однако, не означает, что изменение производственных отношений автоматически следует за развитием производительных сил, что между ними всегда существует соответствие.

Способ производства развивается и изменяется путем раскрытия и преодоления противоречий. Производительные силы и производственные отношения развиваются неравномерно, изменяются не одновременно. В то время как производительные силы непрерывно растут и изменяются, производственные отношения в течение более или менее длительного периода остаются постоянными. На известной ступени развития производительные силы приходят в столкновение с производственными отношениями, из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Этот конфликт между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями составляет экономическую основу всех социальных антагонизмов и революционных переворотов, он составляет экономическую основу и военных столкновений между государствами.

Эксплуататорские классы стремятся сохранить существующие производственные отношения, т. е. стремятся сохранить свою частную собственность на средства производства, и, наоборот, производители материальных благ заинтересованы в уничтожении этих производственных отношений, в преобразовании формы собственности. Отсюда — обострение противоречий между производителями и владельцами средств производства, отсюда — борьба между классами.

Противоречия между производительными силами и производственными отношениями порождают и обостряют противоречия между государствами. Товарищ Сталин говорит: «С точки зрения экономической нынешние конфликты и военные столкновения капиталистических групп между собой, равно как борьба пролетариата

с классом капиталистов, имеют своей основой конфликт нынешних производительных сил с национально-империалистическими рамками их развития и с капиталистическими формами присвоения. Империалистические рамки и капиталистическая форма душат, не дают развиваться производительным силам»¹.

Конфликт между производительными силами и производственными отношениями в эпоху империализма обостряет борьбу классов, чрезвычайно усиливает противоречия между нациями и государствами, тормозит экономическое развитие. Недаром Ленин назвал империализм «загнивающим капитализмом», ибо неслыханное обострение противоречий между производительными силами и производственными отношениями оказывает губительное влияние на развитие производства. Несмотря на отдельные достижения техники и скачкообразное развитие отдельных отраслей промышленности, в целом эпоха империализма есть эпоха загнивания капитализма.

Социалистическая революция ликвидирует конфликт между производительными силами и производственными отношениями и открывает простор для новых, несравненно более высоких темпов развития производства и для более высокой производительности труда. Производственные отношения при социализме, находясь в полном соответствии с характером производительных сил, не только не задерживают роста производительных сил, но, наоборот, дают полный простор для их развития. Поэтому производительные силы развиваются при социализме такими темпами, какие невозможны при капитализме. В советском обществе, где навсегда ликвидирована возможность кризисов, производство неуклонно из года в год развивается по восходящей линии. Планомерная социалистическая организация производства открыла небывалые творческие источники ускоренного развития общества.

Если в буржуазном обществе рост производства сопровождается разорением и обнищанием масс, понижением их жизненного уровня, то в социалистическом обществе рост производства ведет к неуклонному подъему материального благосостояния и культурного уровня трудящихся. В этом преимуществе социалистического общества заключаются неисчерпаемые силы общественного прогресса.

Таким образом, способ производства, являющийся воплощением единства производительных сил и производственных отношений, составляет главную силу общественного развития, определяющую характер общественного строя, политические учреждения, теории, взгляды и идеи.

Исторический материализм, раскрыв в способе производства главную, определяющую силу развития общества, разоблачил несостоятельность буржуазных теорий общественного развития, показал неизбежность банкротства всяческих буржуазных направлений в социологии.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 109—110.

Роль географической среды

Одним из направлений в социологии, и притом весьма распространенным, явилось так называемое географическое направление. Представители этого направления стремились объяснить общественное развитие свойствами географической среды. Особенно широкое распространение географическое направление получило со времени великих географических открытий. Развитие капитализма, расширение торговых связей привело к проникновению европейцев в различные страны мира. В погоне за расширением сфер торговли, колонизацией земель, в поисках новых источников сырья и рынков сбыта они проникали во все уголки земного шара. Путешественники собрали обширные сведения о многообразии природной среды, климатических условий различных стран, о своеобразии быта, культуры и нравов различных народов мира. Все это послужило толчком для исследования роли географических условий в жизни общества. В XVI веке французский ученый Жан Боден выступил с теорией, утверждавшей, что природная географическая среда оказывает определяющее влияние на жизнь народов и различия между людьми обуславливаются различиями климата. Боден делил народы по климатическим поясам на живущих в южном, северном и умеренном поясах. Различия в характере, в устройстве жизни этих народов Боден объяснял их жизнью в различных поясах земного шара.

Утверждение Бодена о зависимости материальной и духовной жизни народов от условий географической среды, от климатических поясов настойчиво развивал известный французский философ-просветитель Монтескье (1689—1755). По своим политическим убеждениям Монтескье был представителем умеренного либерализма, сторонником компромисса между крупной буржуазией и земельной аристократией. В своем главном труде — «О духе законов» — Монтескье превозносит умеренность как основу разумного законодательства. «Дух умеренности должен быть духом законодателя. Благо политическое, как и благо нравственное, всегда находится между двумя пределами...»¹.

Монтескье отвергает традиционную монархическую концепцию о божественном происхождении власти и вместе с тем выступает против политического радикализма. Больше всего он опасается того, как бы власть не попала в руки низших слоев населения. Монтескье — ярый защитник частной собственности. Он отрицает тот факт, что сосредоточение собственности в немногих руках ведет к нищете массы населения. По его мнению, бедность людей объясняется не отсутствием у них имущества, не эксплуатацией со стороны богачей, а леностью этих людей. «Человек беден не потому, что ничего не имеет, а потому, что не работает»², — пишет он.

¹ Монтескье. О духе законов, стр. 575. Изд. 1900.

² Там же, стр. 439.

Географическая теория, таким образом, оказалась весьма удобной для оправдания существующих эксплуататорских порядков, для обоснования идеи компромисса буржуазии с господствовавшей земельной аристократией.

По мнению Монтескье, политический строй, нравы людей и их религиозные верования зависят от природных условий страны, в первую очередь от климата. Общественные законы соответствуют физическим условиям, климату, свойствам почвы, географическому положению страны. Монтескье, так же как и Боден, делит земную поверхность на три главных пояса: северный, южный и умеренный. Характер жизни народов, их общественный строй, нравы Монтескье выводит прежде всего из особенностей трех климатических поясов земной поверхности. Самым благоприятным для развития общества Монтескье считал северный пояс. «В северных странах, организм здоровый, крепко сложенный, но неуклюжий, находит удовольствие во всякой деятельности...». Там живут люди, «у которых мало пороков, не мало добродетелей и много искренности и прямоты»¹. По мере приближения к югу, согласно Монтескье, происходит изменение нравов, усиливаются страсти, умножаются преступления, каждый старается взять верх над другим. В странах умеренных преобладают характеры как бы переходные; народы этих стран непостоянны в своем образе жизни, непостоянны даже в пороках и добродетелях. Неустойчивость климата определяет, по его мнению, неустойчивость характера людей и их образа жизни. В южном поясе с жарким климатом тело человека, говорит он, совершенно расслабляется и лишается сил. Слабость, подавленность тела обуславливают и душевные свойства людей: человек становится равнодушным, нелюбопытным, не способным ни к какому благородному деянию, ни к какому великодушию. Все склонности людей приобретают пассивный характер, и лень становится счастьем. Люди жаркого климата предпочитают выносить наказания, но не принуждать себя к деятельности, даже рабство им кажется легче, чем усилия разума, которые необходимо проявлять для управления самими собой.

Из особенностей климата Монтескье выводит и характер общественного строя. Так, он считает, что свободное состояние соответствует характеру народов северного климата, а рабство — это результат южной природы, южного климата. «Малодушие народов жаркого климата почти всегда приводило их к рабству, между тем как мужество народов холодного климата удерживало их в свободном состоянии. Все это — следствия, вытекающие из своей естественной причины»². Монтескье признает, что рабство противно природе человека, но вместе с тем он оправдывает существование

¹ Монтескье. О духе законов, стр. 228.

² Там же, стр. 271.

рабства, утверждая, что «в некоторых странах оно основано на естественной причине...»¹.

Политический строй государства Монтескье объясняет также особенностями географической среды. «Власть климата, — говорил Монтескье, — сильнее всех властей»². В южных странах преобладает малодушие, леность мысли и духа. Поэтому там имеет место не только рабство гражданское, но также и рабство политическое, формой государства там является деспотия. Монтескье полагает, что люди, живущие на юге, по своей лености и безволию готовы сложить с себя всякую ответственность на какое-либо одно лицо. Поэтому в жарких странах во главе государства, как правило, стоит единоподержанный деспот, которому охотно подчиняются малодушные и покорные люди, лишь бы самим не проявлять никаких усилий в государственно-политических делах.

Согласно утверждениям Монтескье, формы правления зависят также от территориальных размеров государства. Республика, по его мнению, возможна лишь на небольшой территории, иначе она не удержится. Монархическое государство должно быть средней величины. Обширной монархии соответствует деспотический образ правления. В этих рассуждениях Монтескье явственно проявляется склонность к примирению с существовавшими в его время порядками, к отрицанию необходимости радикальных политических и социальных переворотов.

Выдающийся русский революционный мыслитель XVIII века А. Н. Радищев со всей страстностью наладил на подобные апологетические рассуждения французских просветителей. Утверждение, будто «доброе правление может быть в малой земле, а в больших должно быть насилие»³, Радищев считал противоречащим истории и сугубо вредным. Радищев признавал серьезное влияние географической среды на характер людей и общественную жизнь, но он решительно отвергал попытки оправдать географическими условиями деспотизм и рабство.

Географическое направление в социологии при всей его классово-ограниченности в XVI—XVIII веках имело известное положительное значение в борьбе против богословско-идеалистических воззрений на общество. Сторонники географического направления пытались исследовать отношения человека к природе, изучить отношение общества к той естественно-географической среде, в условиях которой общество развивается. Однако все эти попытки объяснения общественной жизни были совершенно ненаучными и несостоятельными. Стремление объяснить характер и поведение людей особенностями климата, вывести формы общественного и политического устройства из условий географической среды отвлека-

¹ Монтескье. О духе законов, стр. 245.

² Там же, стр. 306.

³ А. Н. Радищев. Избранные сочинения, стр. 657. Изд. 1949.

ло от исследования экономических основ развития общества, затемняло внутренние противоречия в обществе, борьбу антагонистических классов. Географическое направление трактовало эксплуатацию человека человеком, политическое угнетение как естественный результат особых географических условий и оправдывало буржуазную колонизацию.

В XIX веке географическое объяснение общественной жизни приобрело откровенно реакционный характер. Революция 1848 года, раскрыв глубочайшие противоречия между пролетариатом и буржуазией, отодвинула на задний план былые распри между буржуазией и земельной аристократией. Буржуазия европейских стран становится реакционной силой и в союзе с землевладельцами старается задушить революционное движение угнетенных классов. Поворот к оголтелой реакции совершается и в буржуазной идеологии. Географическое истолкование истории как одна из ходких буржуазных теорий направляется своим острием теперь против рабочего движения, против революционных, социалистических идей.

Ярый сторонник географического объяснения истории, английский социолог Бокль (1821—1862) в своем труде «История цивилизации в Англии», изданном в трех томах в 1857—1861 годах, превозносит заслуги европейской буржуазии и особенно английских капиталистов, воспекает успехи европейской, т. е. буржуазной, цивилизации, отвергает необходимость и закономерность революции. С искусным лицемерием, сокрушаясь о бедствиях, нищете и невежестве народов Африки и Азии, Бокль в то же время с необычайным усердием старается доказать неполноценность цивилизации неевропейских народов, рассчитывая тем самым оправдать колониальное владычество Англии.

Вся «философия истории» Бокля, по его собственному признанию, основана на противопоставлении европейской и неевропейской цивилизаций. Образцом же европейской цивилизации является будто бы английская цивилизация. Главное ее преимущество Бокль видит в том, что Англия в конце XVIII — начале XIX века избежала революции, ограничившись некоторыми реформами, что английский народ проявил осторожную сдержанность и дождался естественного исхода дела, так что политический кризис ослабел и разрешился сам собой. «...Эта великая перемена, — пишет Бокль, — совершилась не вследствие какого-либо внешнего события или внезапного восстания народа, но единственно действием нравственной силы — безмолвного, но всесокрушающего давления общественного мнения. Это явление мне всегда казалось решительным доказательством естественного и, если я могу так выразиться, здорового хода английской цивилизации»¹.

Воспевание реакции, навязывание английскому народу холопского духа как высшей мудрости и добродетели, отрицание революционных мер против реакции, фальсификация в этих целях

¹ Бокль. История цивилизации в Англии, стр. 202. Изд. 1906.

исторической правды — такова «философия истории» Бокля. Певец «осторожной сдержанности» игнорирует тот бесспорный исторический факт, что и те реформы, которые он именуется как «великую перемену» в Англии, не дались без борьбы народных масс, без напора рабочего движения.

Разъясняя несостоятельность взглядов английского писателя Уэллса, уверявшего, что реформы XIX века в Англии осуществились без всякой борьбы, товарищ Сталин отверг это неправильное мнение и доказал, что большую роль в завоевании этих реформ сыграло чартистское движение. «Чартисты и организованное ими забастовочное движение сыграли большую роль, заставили господствующие классы пойти на ряд уступок в области избирательной системы, в области ликвидации, так называемых, «гнилых местечек», осуществления некоторых пунктов «хартии». Чартизм сыграл свою не малую историческую роль и побудил одну часть господствующих классов пойти на некоторые уступки, на реформы, во имя избежания больших потрясений»¹.

В целях обоснования своей буржуазно-апологетической «философии истории» Бокль построил сложную, наукообразную конструкцию географического объяснения явлений общественной жизни. Он утверждал, что четыре главных физических фактора определяют жизнь и судьбы общества и человечества, а именно: климат, пища, почва и общий вид ландшафта. При этом различия природных видов порождают, по Боклю, соответствующие различия в характере народов. В неевропейских странах природа, по уверению Бокля, отличается проявлением особенно грозных и опасных сил, которые внушают жителям страх, действуют на их воображение, заглушают их рассудок. Поэтому цивилизация в неевропейских странах строится не на рассудке, а на воображении, что ведет к невежеству, предрассудкам и делает подобную цивилизацию неполноценной. В этих странах человек полностью подчинен природе. В европейских странах силы природы проявляют себя более умеренно, не распалаяют воображения, способствуют развитию рассудка и цивилизации, здесь легче освободить людей от предрассудков и суеверий. В европейской истории преобладающим направлением было подчинение природы человеку. Таков, согласно Боклю, результат воздействия стихийных сил природы на жизнь и судьбы народов.

Три других фактора — климат, пища и почва, — хотя и не имеют такого непосредственного влияния, но, по мнению Бокля, также определяют многие важнейшие черты различия между народами. Бокль, так же как и Монтескье, ставит характер народов в зависимость от деления поверхности земли на климатические пояса, в понимании же самого влияния различных климатических зон на людей Бокль расходится с Монтескье. На Крайнем Севере, утверждает Бокль, природа неблагоприятна для жизни; там люди не отличаются постоянством трудолюбия. Причиной этого Бокль

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 611. Изд. 10.

считает суровость природы, в условиях которой людям невозможно в известные времена года продолжать обычные занятия вне дома, что ведет к неустойчивости, своенравности, причудливости их характера. Бокль в отличие от Монтескье полагает, что умеренный пояс представляет более благоприятные условия для жизни общества, так как труд здесь совершается непрерывно и образ жизни ведется более правильный.

Бокль не случайно расходится с Монтескье в оценке влияния умеренного климата на характер людей. Англичане живут, как известно, в умеренном климате и, по классификации Монтескье, попадают в разряд людей неустойчивых и неуравновешенных. Восхваляя англичан, Бокль воспекает и умеренный климат как якобы самый благоприятный для выработки сильного, постоянного, устойчивого характера. Что касается южного пояса, то здесь, по мнению Бокля, как и на севере, невозможна непрерывная деятельность, так как она прерывается жарой и сухостью погоды. Поэтому нации на юге отличаются слабостью и непостоянством характера.

Плодородие почвы и запасы пищи, рассуждает далее Бокль, также оказывают большое влияние на жизнь народов. В южных странах плодородие почвы выше, а жители потребляют меньше пищи, чем в северных странах, поэтому там образуется большой запас пищи и население быстрее размножается. Ввиду дешевизны пищи и быстрого приращения населения заработная плата работников в этих странах крайне низка. Богатство распределяется крайне неравномерно между высшими и низшими классами, неравномерно распределяется и политическое влияние. Географические факторы южного пояса неизбежно влекут за собой резкое неравенство, утверждение рабовладения. «Нет примера в истории, чтобы в какой-нибудь тропической стране, при значительном накоплении богатства, народ избегнул такой судьбы; нет примера, чтобы вследствие жаркого климата не оказалось избытка пищи, а вследствие избытка пищи — неравномерного распределения сперва богатства, а за ним — и политического, и общественного влияния. В нациях, подчиненных этим условиям, народ считался ничем; он не имел никакого голоса в государственном управлении, никакого контроля над богатством, плодом его же трудолюбия. Единственным делом его было трудиться, единственной обязанностью — повиноваться. Вот где начало того расположения к тихой, раболопной покорности, которое, как мы знаем из истории, было всегда отличительной чертой таких народов»¹.

Из этих рассуждений Бокля видно, что хотя непосредственную причину рабства он и видит в неравномерном распределении богатств, но в конечном счете характер общественной жизни и политического строя он объясняет условиями географической среды. Экономическое и политическое неравенство людей коренится, по мнению Бокля, в условиях природной среды.

¹ Бокль. История цивилизации в Англии, стр. 31.

Так, географическая среда была призвана обосновывать и оправдывать рабство. Влиянием же географической среды Бокль пытается доказать, что в европейских странах богатство якобы распределяется более равномерно и разница между классами не так велика. Это-де объясняется тем, что пища здесь дороже, население размножается медленнее, что и «повело к увеличению вознаграждения за труд и к более равномерному распределению богатства...»¹. В этом, по мнению Бокля, основа согласия и примирения между классами, будто бы характерных для жизни народов Европы.

Своей географической теорией Бокль старается обосновать неизбежность и вечность классового деления общества. Он утверждает, что отношения между высшими и низшими классами в основе своей зависят от особенностей природы. Буржуазно-апологетический характер теории Бокля особенно явственно обнаруживается в восхвалении нетрудящихся классов. Бокль уверяет, что нетрудящиеся более одарены и способны; они составляют «мыслящий класс», от которого зависят успехи цивилизации.

Географическое направление в социологии хотя и отвергало богословско-идеалистические представления о боге и надмировом духе как первоисточниках общественного развития, но само не вышло за рамки идеалистического понимания истории. Подчеркивая решающее влияние географических условий на жизнь общества, это направление все же неизбежно приходило к идеалистическим выводам о причинах изменения общественной жизни. Характер общественного строя, с точки зрения сторонников этого направления, определяется сознанием людей, которое формируется под влиянием определенной географической среды. Согласно уверениям Монтескье, Бокля и других «географистов», основой развития цивилизации является разум. Беря за исходное такой материальный фактор, как географическая среда, «географисты» оказываются на деле проповедниками идеалистического взгляда на историю.

Несостоятельность географического направления в социологии проявляется прежде всего в том, что оно без всяких к тому оснований провозглашает, что географическая среда якобы непосредственно воздействует на сознание людей, определяет психический склад, общественные взгляды и идеи людей. Это основное положение «географистов» противоречит историческим фактам и не выдерживает критики. Так, например, по теории «географистов» народы Китая, Индонезии, Вьетнама, Малайи самими природными условиями предрасположены к рабской покорности и послушанию. Но народы этих стран развеяли басни об их «покорности» угнетателям, проявив величайшее мужество и упорство, неиссякаемую энергию и волю в борьбе за свое освобождение от гнета эксплуатации. Географическая среда этих стран не изменилась или мало изменилась

¹ Бокль. История цивилизации в Англии, стр. 26.

со времени Монтескье и Бокля, а сознание, взгляды и характер людей этих стран изменились коренным образом.

Сторонники географического направления в социологии игнорируют тот бесспорный факт, что географическая среда не может определять общественные отношения и общественное сознание людей. Общественное сознание формируется под влиянием экономического базиса и изменяется с изменением экономического базиса, с изменением общественных отношений. Таким образом, не окружающая природа, а способ воздействия людей на природу, протекающий в определенной общественной форме, способ производства материальных благ обуславливает в конечном счете характер и изменения общественного сознания.

Критикуя натуралистические направления в социологии, Энгельс писал: «Как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз изменение природы человеком, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу. Поэтому натуралистическое понимание истории — как оно встречается, например, в той или другой мере у Дрэпера и других естествоиспытателей, стоящих на той точке зрения, что только природа действует на человека и что только природные условия определяют повсюду его историческое развитие, — страдает односторонностью и забывает, что и человек воздействует обратно на природу, изменяет ее, создает себе новые условия существования»¹.

Натуралистические направления в социологии игнорируют общественные отношения людей, вне которых нет и отношения людей к природе. Человек вовсе не является пассивным продуктом природы, — он активно воздействует на условия окружающей среды. При этом люди воздействуют на природу не в одиночку, а сообща, объединенными усилиями. Складывающиеся в процессе производства общественные отношения определяют сознание людей. «Технология, — говорит Маркс, — вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и прорастающих из них духовных представлений»².

Идеологи эксплуататорских классов отрицают определяющую роль производства и производственных отношений. Известно, что производственные отношения в классовом обществе есть классовые отношения. Признать производственные отношения реальным базисом общественной жизни — значит признать закономерность классовой борьбы и принять вывод, что классовая борьба является дви-

¹ Ф. Энгельс. Дialeктика природы, стр. 185. Изд. 1948.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 409.

жущей силой истории. Более того, если признать способ производства главной силой общественного развития, то пришлось бы отказаться от мысли о вечности классового деления общества, пришлось бы признать преходящий характер этого деления, ибо способы производства исторически меняются, а вслед за ними изменяется и весь строй общественной жизни. Идеологи буржуазии не могут согласиться с этим и твердят о вечности и неизбежности общественных порядков, основанных на эксплуатации и рабстве. Им выгоднее уверять, что строй общественной жизни определяется условиями географической среды, а так как географическая среда не изменяется или, вернее, мало изменяется, стало быть, и общественные порядки должны оставаться неизменными. К тому же на географическую среду можно свалить вину за все то зло, которое причиняют трудящимся массам эксплуататорские классы. Идеологам господствующих классов, конечно, выгоднее заявлять, что как бы плох ни был общественный строй, он создан естественными факторами, вечными законами природы и человек не в силах изменить его.

Географическое направление оказалось не в состоянии раскрыть действительные причины развития общества. Нельзя объяснить изменения в жизни общества условиями географической среды, которые сами длительное время почти не изменяются. Если развитие общества протекало сравнительно быстро, то изменение географической среды было совершенно незначительно. Мало заметные изменения географической среды не могут объяснить крупные сдвиги и перевороты в общественной жизни.

Несмотря на явную несостоятельность географического направления в социологии, некоторые марксисты, в частности Плеханов, склонны были искать источники развития общества в географической среде. Плеханов в ряде своих работ утверждал, что развитие производительных сил в конечном счете определяется свойствами географической среды. В этих свойствах он видел первопричину общественного развития: «...свойства географической среды обуславливают развитие производительных сил, развитие же производительных сил обуславливает собою развитие экономических, а вслед за ними и всех других общественных отношений»¹. Плеханов считал, что географическое направление в социологии является разновидностью материалистического взгляда на историю.

Реформистская, антиреволюционная сущность «географической теории» особенно резко проявилась у главаря II Интернационала Каутского. Этот матерый враг революционного социализма и «географическую теорию» использовал для оправдания отречения от классовой борьбы, уверяя, что строй общественной жизни предопределяется окружающей внешней средой и может быть изменен не революционной борьбой, а в результате изменения среды. «Общий закон, которому подчинено как человеческое развитие, так и развитие животного и растительного царства, состоит в том, что вся-

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XVIII, стр. 205. Изд. 1928.

кое изменение как обществ, так и видов может быть сведено к изменению в окружающей среде. Где эта среда остается неизменной, там остаются неизменными и населяющие ее организмы и организации». Таким образом, по Каутскому, выходит, что революционная борьба против капитализма бесполезна, что она не может привести к изменению общественного строя, что для этого надо ожидать каких-либо переворотов в природе. Вот к каким реакционным выводам ведет антинаучное «географическое направление»!

Товарищ Сталин в своей работе «О диалектическом и историческом материализме» блестяще показал полную несостоятельность географического направления в социологии. Товарищ Сталин указал, что географическая среда является одним из постоянных и необходимых условий развития общества, что она либо ускоряет, либо замедляет ход его развития. Но она не может определять общественное развитие, так как изменение и развитие общества происходит несравненно быстрее, чем изменение географической среды. «...Географическая среда не может служить главной причиной, определяющей причиной общественного развития, ибо то, что остается почти неизменным в продолжение десятков тысяч лет, не может служить главной причиной развития того, что переживает коренные изменения в продолжение сотен лет»¹.

Географическая среда имеет безусловно важное значение для общественного развития. Производство материальных благ невозможно без географической среды, без определенных естественных условий. Но само отношение человека к природе, к естественным условиям изменяется в зависимости от характера и уровня развития производства. Едва ли нужно доказывать, что, скажем, металл, каменный уголь имеют в жизни современных народов огромное значение, что без них невозможно современная промышленность. Но в истории был длительный период, когда металл и каменный уголь не имели значения для развития человеческого общества, поскольку люди не умели их использовать. Даже такая сила природы, как вода, которая издавна использовалась людьми, играла неодинаковую роль на разных этапах развития общества. Отношение человека к этой силе природы изменялось, но изменялось не оттого, что изменялась сама вода, а потому, что уровень развития производства повышался и отношение людей к воде становилось иным.

Русский социолог Мечников в книге «Цивилизация и великие исторические реки» делит всю историю на три периода, а именно: период речной цивилизации, период средиземноморской цивилизации и океанский период. Мечников полагает, что развитие цивилизации вначале происходило вокруг рек, реки были артериями жизни и цивилизации древнего общества. Позже цивилизация передвигается к Средиземноморскому бассейну. Греция и Рим, с одной стороны, Северная Африка, Малая Азия — с другой, — вот районы средиземноморской цивилизации. Наконец, в третьем периоде цивили-

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 549. Изд. 11.

лизация продвигается к океану, и океан становится как бы основой прогресса общества.

Эти рассуждения нисколько не объясняют движущих сил развития человеческого общества, не раскрывают и причин перемещения центров цивилизации. Реки, моря, океаны на протяжении нескольких тысячелетий остаются более или менее постоянными. Значит, причина изменения их роли для общества заключается не в них самих, а в развитии производительных сил. В самые древние времена люди, так же как и животные, могли использовать воду лишь для питья. С появлением рыболовных приспособлений и лодки водные пространства начинают использоваться для рыболовства, для перевозки людей, различных грузов и т. д. Парусное судоходство еще более увеличивает значение рек, морей и океанов как путей сообщения. С изобретением водяной мельницы открывается новое применение воды — в качестве двигательной силы. Создание парового флота означало новый шаг в использовании морских и океанских просторов в интересах человека. Благодаря сооружению гидроэлектростанций вода стала огромным источником энергии, питающим промышленность и сельское хозяйство. Стало быть, вместе с ростом техники, с ростом производительных сил изменилось и возросло использование воды — одной из сил природы. То же можно сказать и о любой другой природной силе. Отношение людей к окружающей природной среде меняется не потому, что сама природа меняется, а в силу совершенствования их орудий труда, их технических знаний, их производственного опыта.

В чем же тогда заключается воздействие географической среды на развитие общества? Это влияние состоит в том, что благоприятная или неблагоприятная природная обстановка либо затрудняет и замедляет процесс материального производства, либо, наоборот, облегчает и ускоряет этот процесс и тем самым содействует развитию производительных сил общества.

По этому вопросу Маркс писал в «Капитале»: «Если мы отвлечемся от большего или меньшего развития общественного производства, то производительность труда окажется связанной с естественными условиями»¹.

Таким образом, Маркс отмечает, что естественные условия нельзя игнорировать при рассмотрении вопроса о производительности труда. Уровень развития общественного производства определяется не естественными условиями, но если мы возьмем труд с одной и той же производительностью и применим его в разных естественных условиях, то результаты, говорит Маркс, будут разные. «Различные естественные условия труда приводят к тому, что то же самое количество труда удовлетворяет в различных странах неодинаковые массы потребностей, следовательно к тому, что при

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 515.

прочих сходных условиях необходимое рабочее время оказывается различным»¹.

Если в одних природных условиях, — при данной производительности труда, — на производство продуктов, необходимых для поддержания жизни человека, требуется затратить четыре или пять часов, то в условиях другой географической среды может потребоваться либо меньше, либо больше рабочего времени. Это значит, что в разных естественных условиях прибавочный труд будет также неодинаков: он может быть то большим, то меньшим. Вот почему географическая среда может то ускорять, то замедлять развитие производства. Конечно, та географическая среда, где меньше затрачивается времени на производство продуктов, необходимых для жизни, ускоряет развитие производства. Наоборот, где в силу суровых условий природы человеку приходится затрачивать больше времени и труда для поддержания жизни, там развитие производительных сил происходит медленнее.

Но при этом нельзя забывать, что люди, воздействуя на природу, развивают свои способности, совершенствуют технику производства. Борьба за овладение силами природы закаляет людей. Если бы люди находили все средства существования в природе в готовом виде, они не имели бы стимулов для развития. Маркс говорит: «Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляет естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится вести свое хозяйство человеку, это разнообразие способствует умножению его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда»².

Разумеется, более ощутимое влияние на развитие производства благоприятные или неблагоприятные природные условия оказывали в сравнительно ранние времена человеческой истории. При высоком уровне развития производительных сил это влияние становится менее значительным. Для того, чтобы не переоценивать значения географической среды, не впасть в преувеличение, надо постоянно иметь в виду замечание Маркса, что географическая среда может быть лишь более благоприятным или менее благоприятным условием при создании прибавочного продукта, но создают его люди. Благоприятные естественные условия, конечно, способствуют увеличению прибавочного продукта, но сами по себе отнюдь не порождают его.

Таким образом, географическая среда может либо ускорять, либо замедлять развитие общественной жизни, но не может служить причиной, определяющей изменения общественной жизни.

Географическая среда предоставляет лишь возможность для развития производства, но не от нее зависит претворение возможности

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 518.

² Там же, стр. 517.

в действительность, не ею обуславливаются характер и темпы экономического развития.

Природные богатства являются необходимой предпосылкой производства. Ленин и Сталин многократно указывали на важность природных богатств для развития производства, рассматривали эти богатства как объективную возможность экономического подъема страны.

Определяя задачи экономического строительства в нашей стране, Ленин говорил в 1918 году: «Подъем производительности труда требует, прежде всего, обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности. Российская Советская республика находится постольку в выгодных условиях, что она располагает... гигантскими запасами руды (на Урале), топлива в Западной Сибири (каменный уголь), на Кавказе и на юго-востоке (нефть), в центре (торф), гигантскими богатствами леса, водных сил, сырья для химической промышленности (Карабугаз) и т. д. Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил»¹.

Товарищ Сталин, характеризуя в 1931 году объективные возможности, имеющиеся в нашей стране для ускоренного экономического развития, в числе этих возможностей указал на наличие огромных природных богатств. «Прежде всего требуются достаточные природные богатства в стране: железная руда, уголь, нефть, хлеб, хлопок. Есть ли они у нас? Есть. Есть больше, чем в любой другой стране. Взять хотя бы Урал, который представляет такую комбинацию богатств, какой нельзя найти ни в одной стране. Руда, уголь, нефть, хлеб — чего только нет на Урале!»².

Вместе с тем Ленин и Сталин постоянно подчеркивали, что одних природных богатств недостаточно, что необходимы соответствующие социальные и политические условия для того, чтобы эффективно использовать эти богатства, а также уметь использовать объективные возможности развития.

Исторические успехи социалистического строительства в СССР являются ярким опровержением географической теории. За годы Советской власти наша страна совершила величайший скачок в хозяйственном и культурном развитии, хотя природная среда существенно не изменилась. Природные богатства страны способствовали ускорению развития, но они не могли оказать решающего влияния на ход общественной жизни. Эти же природные условия были и при царизме, однако развитие страны тогда происходило крайне медленно. Лишь в условиях социалистического строя, открывшего возможности беспрепятственного, планомерного продвижения вперед, лишь при Советской власти, пользуясь нерушимой поддержкой народных масс, лишь под руководством большевист-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 228.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 324.

ской партии, направляющей усилия всех людей к одной цели, рабочие и крестьяне смогли эффективно использовать природные богатства в целях быстрого экономического развития страны. Советские люди за короткий срок существенно изменили географию страны. Создана вторая угольно-металлургическая база на Востоке, знаменующая собой индустриализацию всей Сибири. Возникли новые нефтепромышленные районы в Поволжье, в Средней Азии, на Севере. Во многих районах страны организована заново промышленная добыча каменного угля, черных и цветных металлов. Крупные изменения произошли в размещении производительных сил, в частности в сельском хозяйстве. Осуществлено в значительных размерах продвижение ценных сельскохозяйственных культур на север и восток. Большие успехи достигнуты в орошении засушливых и безводных районов на юго-востоке и в осушении заболоченных земель на северо-западе страны. Стало быть, не в природных условиях надо искать источник быстрого развития Советской страны, — этим источником является советский социалистический строй, великая созидательная деятельность трудящихся под руководством большевистской партии.

Претворение в жизнь великого сталинского плана преобразования природы на обширной территории степных и лесостепных районов нашей страны, предусматривающего создание мощных лесных полос на протяжении многих тысяч километров, строительство огромной сети водоемов и прудов, внедрение травопольных севооборотов, является живым свидетельством того, как при социализме люди покоряют природу, подчиняют ее своим интересам, планомерно изменяют географическую среду в целях создания благоприятных условий для производства. О характере и масштабах преобразования природы в нашей стране можно судить хотя бы по тому, что площадь лесов в целом в этих районах удвоится, в Астраханской области увеличится в три раза, а в Ростовской области — в шесть раз. В истории еще не было такого величественного примера планомерного воздействия на природу, преобразующего географическую среду в интересах общества.

Строительство двух гигантских электростанций на Волге, в районах Куйбышева и Сталинграда, которые будут давать около 20 млрд. киловатт-часов электроэнергии в год, обеспечивает вместе с тем создание грандиозной системы гидротехнических сооружений, которая предусматривает орошение и обводнение до 14 млн. гектаров земель в засушливых и полупустынных юго-восточных районах европейской части СССР. Создание Главного Туркменского канала протяженностью в 1 100 километров обеспечит орошение 1 300 тыс. гектаров новых земель и обводнение до 7 млн. гектаров пастбищ. Волго-Донской судоходный канал соединит Белое, Балтийское и Каспийское моря с Азовским и Черным морями в единую водно-транспортную систему. Мощная система гидротехнических сооружений и распределительных каналов позволит обеспечить орошение 750 тыс. гектаров и обводнение 2 млн. гектаров в Ростовской

и Сталинградской областях. Строительство Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов общей протяженностью в 550 километров обеспечит орошение и обводнение огромных площадей плодороднейших земель на юге нашей страны. В этих грандиозных стройках проявляется великая сила народа, строящего коммунистическое общество.

Осуществляя сталинские планы коммунистического строительства, создавая огромные лесные полосы, мощные водоемы и водохранилища, великие каналы, реконструируя реки и озера, орошая и обводняя пустыни, изменяя климат, растительный и животный мир на обширных территориях, советские люди преобразуют природу двух материков — Европы и Азии. В этом самое убедительное доказательство возрастающего господства человека над силами природы, над географической средой.

Таким образом, географическое направление в социологии, проповедующее полную зависимость людей от природной среды, опрокинуто самой жизнью и потерпело непоправимое банкротство. Но в буржуазной социологии оно и поныне имеет большое распространение и используется буржуазией как средство для борьбы против марксистско-ленинского мировоззрения, против рабочего движения, для защиты и оправдания империализма.

Уже во второй половине XIX века немецкий географ и этнограф Ф. Ратцель придал географической теории откровенно империалистический характер, связав ее с расистской идеологией. Он уверял, что телесная и духовная жизнь человека непосредственно определяется климатом, который воздействует на людей посредством света, тепла, холода, влажности, сухости, воздушного давления и ветров. По уверению Ратцеля, «культурные народы» могут развиваться только в умеренной полосе, а народы южных и северных стран обречены на регресс.

Ратцель сознательно противопоставляет свою географическую теорию материалистическому пониманию истории. Буржуазным историкам, высказывавшим сомнения, не смыкается ли, мол, географическая теория с историческим материализмом, поскольку-де она признает решающую роль географического, т. е. материального фактора, Ратцель разъяснял, что совсем неосновательно видеть в этом первенстве географических элементов влияние материалистического понимания человечества и его истории.

Марксистская теория классов и классовой борьбы явилась великим духовным орудием пролетариата и смертным приговором буржуазии. Ратцель извивается ужом, чтобы затушевать экономические основы раскола общества на классы и классовой борьбы. В противовес марксистской теории классов Ратцель выдвинул расистскую теорию деления человечества на народы-руководители и народы-исполнители. Наличие классов в обществе имеет, по уверению Ратцеля, не экономическую основу, а покорение сильными народами слабых, из коих первые становятся господствующими, а вторые подчиненными. «С тех пор, — вещает Ратцель, — как су-

ществует история, сложившаяся из фактов соревнования и взаимодействия различных народов и государств, всегда оставалось вопросом, какой народ принял на себя руководящую роль в достижении различных экономических, политических, вообще-культурных целей»¹. Совместное сосуществование высшей, победившей расы с низшей, покоренной ведет к образованию социальных рас, т. е. классов. Угнетенные классы — это слабые, неполноценные, покоренные расы. Так пытается Ратцель обосновать и оправдать господство эксплуататорских классов.

Не менее откровенно он восхваляет и оправдывает политику империалистических захватов и грабежей, уверяя, что основным законом как органической жизни, так и истории народов является постоянная борьба за пространство. Если в первобытные времена люди расселялись по свободным пространствам, то с ростом населения получение новых территорий возможно только путем завоевательных войн. Право завоевания Ратцель предоставляет народам «высшей культуры». Высшим призванием таких народов Ратцель считает «улучшение» своего географического положения, увеличение земельной площади путем завоевания соседних земель и отдаленных колоний. «...В расширении пространства для высших культурных движений — заключаются источники прогресса для человечества»².

«Теоретические изыскания» Ратцеля явились прямым оправданием и «обоснованием» империалистической политики кайзеровской Германии, хищнических вожделений и устремлений немецких магнатов угля и стали, банкиров и помещиков. Географическая теория вошла существенной составной частью в идеологический арсенал воинствующего милитаризма.

«Ученые» апологеты империалистических захватов подвизались не только в Германии, они буйно шумели и в других капиталистических странах, особенно в Соединенных Штатах Америки. Быстро растущий американский капитализм уже тогда стал открыто заявлять свои претензии на передел мира. В 1898 году разгорелась война США с Испанией, в результате которой американские империалисты захватили Филиппины, создав себе базу для дальнейшей агрессии в Азии.

Ленин отмечал, что американо-испанская война из-за Филиппин является первой вехой новой, т. е. империалистической, эпохи мировой истории. Именно с этого времени в США начинается безудержная пропаганда захватов и грабежей. Адмирал Мэхэн, историк Адамс, сенатор Беверидж и многие другие трубадуры молодого и хищнического американского империализма проповедовали необходимость экспансии американцев в Европе и Азии в целях утверждения мирового владычества США.

¹ Ф. Ратцель. Земля и жизнь, т. II, стр. 703—704.

² Там же, стр. 686.

В книге «Экономическое господство Америки», написанной в 1900 году, Адамс постарался разрисовать картину будущего господства англо-саксонской расы во главе с США. Книга Адамса — эта библия империалистических захватов — недавно переиздана в США и Англии и шумливо рекламируется. Воплощенные в ней экспансионистские и расистские идеи весьма созвучны империалистическим устремлениям нынешних заправил американского капитализма.

Выражая хищнические вождедения американских империалистов, рвущихся к мировому господству, Адамс провозглашал, что интересы Соединенных Штатов должны охватить Тихий океан, который станет для них внутренним морем. Естественным центром этой тихоокеанской системы должна быть Манила. Адамс внушал, что, укрепившись на Филиппинах и опираясь на Европу, Соединенные Штаты должны прорваться к китайскому массиву.

Вдохновителям агрессивных империалистических блоков во главе с США особенно по душе оказались бредовые рассуждения Адамса об объединении англо-саксонских держав и их господстве над всеми народами. «Вероятно, человеческое общество, — писал Адамс, — оказалось бы тогда под абсолютным господством обширного объединения народов. Правое крыло этого объединения достигло бы Британских островов, а левое — нависло бы над средним Китаем. Центр этого объединения приблизился бы к Тихому океану. Оно окружило бы Индийский океан так, как если бы он был озером; еще более тесно, чем римляне, оно охватило бы Средиземное море»¹.

История американского капитализма в XX веке есть история самой хищнической эксплуатации трудящихся масс, история дикого угнетения более слабых наций, история самой наглой и беззастенчивой экспансии. Ленин отмечал, что экономическое развитие в Соединенных Штатах шло быстрее, чем в других странах, и что «как раз благодаря этому паразитические черты новейшего американского капитализма выступили особенно ярко»².

В результате первой мировой войны американские империалисты нажили баснословные барыши и закабаляли почти все страны мира, опутали долгами почти все государства, разоряя и обращая в нищих миллионы и миллионы трудящихся во всех частях света. Не только побежденные страны, но и страны-победительницы — Англия, Франция — оказались в финансовой кабале у американских монополистов.

Из всей цепи империалистических преступлений, совершенных американскими монополистами, особенно гнусным и разбойничьим злодеянием явилось нападение на молодое социалистическое государство. «Именно теперь, — писал Ленин в 1918 году, — амери-

¹ Б. Адамс. Экономическое господство Америки, стр. 83. Нью-Йорк и Лондон. 1947.

² В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 287.

канские миллиардеры, эти современные рабовладельцы, открыли особенно трагическую страницу в кровавой истории кровавого империализма, дав согласие — все равно, прямое или косвенное, открытое или лицемерно-прикрытое, — на вооруженный поход англо-японских зверей с целью удушения первой социалистической республики»¹.

Американский капитализм стал главной силой лагеря империализма, оплотом реакции во всем мире, злейшим врагом демократии и социализма. После первой мировой войны усилилась борьба американских империалистов за мировое господство. Центр финансовой эксплуатации всего мира переместился в Америку. Американские империалисты выдвинули и начали осуществлять так называемый «план Дауэса» — план ограбления народов Европы. По этому «плану» Германия должна была использовать прежде всего российские рынки, чтобы платить репарации европейским империалистам, а через них — монополистам США. План Дауэса вызвал огромный приток американских капиталов в германскую промышленность.

Американские монополисты возродили военно-промышленную базу германского империализма, который призвал к власти партию гитлеровцев, партию наиболее реакционных кругов империалистической буржуазии, уничтожил остатки буржуазно-демократических свобод, установил террористическую диктатуру и встал на путь захвата чужих земель, поставив своей целью завоевание мирового господства.

Идеологи немецкого фашизма раздули до крайних пределов реакционные, шовинистические проповеди Ратцеля и прочих певцов империалистических захватов и войн.

Немецкие фашисты «обосновывали» географической теорией свои бредовые империалистические притязания на мировое господство; они проповедовали, что немцам не хватает «жизненного пространства», что немцы имеют право путем захвата расширять территорию Германии. В фашистской Германии широкое распространение получила так называемая геополитика, которая была призвана доказывать «законность» грабительских захватов немецкого империализма. Глашатаи этой лженауки — Гаусгофер и другие — являлись официальными идеологами разбойничьего гитлеровского государства.

Фашистские геополитики одурманивали головы немцев пропагандой о неминуемой победе немецкой «высшей расы» над всеми народами мира. Всякими лженаучными выкладками они пытались доказать, что успех борьбы немецких империалистов за «жизненное пространство» предрешен, что непреложные «законы геополитики» на стороне немецких завоевателей. Геополитические оракулы предрекали тысячелетия немецкого господства над народами всего

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 44.

мира. Сроки последовательного захвата всех стран мира и каждой в отдельности были заранее гитлеровцами установлены.

Разгром фашистской Германии и ее сообщников Советским Союзом опрокинул и похоронил все расчеты немецких фашистов на мировое господство, на порабощение народов всего мира. Полное и позорное крушение потерпели и все прорицания немецких геополитиков о неизбежной победе немецких захватчиков.

Несмотря на полное банкротство геополитики гитлеровцев, империалисты не расстались с геополитическими прорицаниями и усиленно культивируют и раздувают эти лженаучные измышления. Геополитические бредни мутными потоками изливаются со страниц десятков и сотен периодических и непериодических изданий в капиталистических странах.

Приверженцы фашистской геополитики ныне особенно активно подвизаются в США. Они нагло ратуют за расширение «жизненного пространства» США, оправдывая притязания американских империалистов на мировое господство. Под прикрытием разговоров о географическом и культурно-политическом единстве Западного полушария империалисты США закабаляют и превращают в колонии страны Латинской Америки, прибирают к рукам Канаду. Помещики и капиталисты этих стран, как и империалисты США, жаждут новой войны, чтобы по бешеным ценам продавать товары воюющим странам и награбить новые миллионы. Поэтому они послушно идут за монополистами США. Геополитическими разглагольствованиями американские экспансионисты прикрывают захват военно-стратегических баз в самых отдаленных от США районах. Социологи, политики и публицисты США беззастенчиво проповедуют, что Америка — это «новый мир», призванный руководить «одряхлевшим» «старым миром».

Небезызвестный публицист и социолог Липпман назойливо трезвонит, что «Атлантическая общность» во главе с США должна стать ядром некоего нового миропорядка, т. е. такого порядка, при котором американские империалисты господствовали бы над всем миром. Еще в разгар второй мировой войны, когда Советский Союз напрягал все силы для разгрома фашистских претендентов на мировое господство, Липпман «обосновывал» претензии американских империалистов на владычество над всеми странами и народами мира. Уже тогда он проектировал создание военно-политического блока империалистов во главе с США и Англией. Их военный союз, вещает Липпман, является ядром сил, вокруг которого по необходимости должна быть организована безопасность всего района «Атлантическая общность», по уверению Липпмана, включает пан-Америку, Англию с ее колониями, Францию, Бельгию, Голландию и Скандинавию. В будущем, «планирует» он, «западное сообщество» должно охватить и Германию, и всю Европу до границ Советского Союза. Весь мир, угрожал Липпман, должен будет считаться с наличием этой колоссальной «Атлантической общности» и в конце концов присоединиться к ней.

Откровенно признавая, что создание «мирового порядка» под властью США не может базироваться на добровольном соглашении наций, Липпман открыто проповедует необходимость насилия для образования «всемирного государства». Он поучает, что все крупные государства в прошлом создавались вокруг какого-либо сильного ядра: Германия вокруг Пруссии, Великобритания — вокруг Англии, Италия — вокруг Пьемонта и т. д.

Будущий «мировой порядок», по Липпману, конечно, должен быть создан вокруг США как своего основного ядра. Иначе говоря, угрозами и насилием Америка должна присоединить все районы мира к «Атлантической общности».

Липпман не скрывает и того, что внутренняя политика в странах «Атлантической общности» может быть основана лишь на терроре и насилии. Он предлагает уничтожить коммунистические партии в пределах «Атлантической общности». Оказывается, демократия и мир, как уверяет Липпман, будут обеспечены лишь тогда, когда коммунистические партии будут поставлены вне закона и уничтожены.

Таким образом, для утверждения мира и демократии Липпман предлагает ликвидировать элементарные демократические права, искоренить коммунистические партии, являющиеся главной, ведущей силой в борьбе за мир и демократию.

Не менее откровенно геополитические притязания американских империалистов излагает профессор политических наук Дж. Роусек. Он вовсе не склонен высокопарно объявлять эти притязания «идеальными устремлениями» и прямо, без прикрас называет их военно-захватническими целями. Касаясь политики США в районе Средиземного моря и, в частности, в Греции, он пишет: «Интересы США в Греции — не просто сентиментальные интересы. Греция контролирует восточно-средиземноморскую стратегию. Без Греции контроль над Средиземным морем будет утерян». Так Роусек «обосновывает» интервенцию США в Греции, необходимость поддержки греческих монархо-фашистов.

Агрессивный атлантический блок капиталистических держав, созданный по почину американских правящих кругов, рекламируемые проекты средиземноморского и тихоокеанского блоков показывают, что бредовые замыслы геополитиков являются выражением и обоснованием официальной политики США, направленной на завоевание мирового господства. События в Корее свидетельствуют о том, что американские империалисты во имя этих целей перешли к открытым актам агрессии. Ремилитаризация Западной Германии и включение ее в военно-империалистический атлантический блок, возрождение японского милитаризма и превращение Японии в военную базу США являются наиболее зловещими проявлениями империалистической политики американских монополистов.

Сторонники географической теории в США и в Англии проповедуют фактически те же идеи, что проповедовали немецко-фашистские геополитики.

Президент английского Социологического института Гуч выпустил сборник статей, в котором пытается доказать, что вторая мировая война была обусловлена географическими условиями. Причина войны якобы в том, что Германия, занимая равнинное положение в Европе и не будучи защищена ни морями, ни горными хребтами, открыта для нападения извне. Поэтому, по мнению Гуча, немцы веками готовились к войнам и на протяжении всей своей истории вели войны. Как первую мировую войну, так и вторую немцы начали и вели в силу географического положения своей страны. Нетрудно понять, что эта теория призвана обелить германских и всех империалистов вообще и отвлечь внимание народов от того факта, что германские империалисты были заинтересованы в войне как средстве для захвата новых рынков, колоний, для передела мира и завоевания мирового господства, что империалисты других стран активно участвовали в развязывании второй мировой войны.

Примером геополитического «обоснования» империалистической политики является американская расистская геополитическая теория. Сторонники этой теории пытаются обосновать политику географическими факторами. Культурный уровень народов, по их мнению, зависит от тех географических условий, в которых эти народы живут. Земной шар разделяется на зоны, в центре которых располагаются наиболее развитые народы, а по краям самые примитивные. Таким образом, география «предопределяет» господство «цивилизованных» народов, живущих в центре, над народами, живущими в «периферийных» районах.

Английские геополитики ревностно стараются обосновать господство английских империалистов в колониях. Подполковник английской армии П. Пенн в соавторстве с Л. Стрит выпустил книгу «Континент будущего», в которой развивает план превращения Африки в главного поставщика сырья и продовольствия для Англии. Авторы книги цинично провозглашают, что колониальные владения должны быть «птице-молочной фермой» Англии. Империалистические плантаторы хотели бы навеки иметь в колониях рабов и жить за счет их эксплуатации и ограбления.

Реакционные геополитические концепции ревностно поддерживаются правыми социалистами. Характерно, что лидеры английских лейбористов в едином хоре с империалистами трубят о том, что Англия будто бы не может обойтись без колоний, что жизненный уровень английского населения будто бы невозможно поднять без эксплуатации колониальных народов. Оберегая частную капиталистическую собственность и барыши монополистов, лейбористы стараются доказать, что рабочие заинтересованы не в уничтожении капитализма, а в укреплении колониального владычества Англии. Лейбористы стремятся отравить сознание английских рабочих ядом колонизаторской идеологии империалистов.

Таким образом, географическая теория является ныне орудием империализма. Эта лженаука оправдывает колониальное рабство,

подавление национального суверенитета и империалистическую экспансию.

Геополитические прорицания американских монополистов обречены на столь же позорное крушение, какое потерпела геополитическая, расистская теория гитлеровцев, обосновывавшая притязания немецких империалистов на мировое господство. Геополитические расчеты американских захватчиков находятся в вопиющем противоречии с законами общественного развития, с национальными интересами подавляющего большинства народов мира. Сидя за географической картой, геополитики могут произвольно перекраивать границы государств и раскрашивать все страны, все материки в американский цвет. Но история делается не по географическим чертежам, а по законам экономического развития общества, и не кликами империалистических политиканов, а народными массами, которые двигают вперед развитие производительных сил, создают все материальные блага и совершают все крупные исторические события.

Геополитические планы американских агрессоров сочиняются вопреки воле народов, в разрез с интересами истинных хозяев земли — многомиллионных народных масс. В этом причина неминуемого краха геополитических замыслов американских монополистов.

Рушится на наших глазах сумасбродная концепция американских захватчиков, будто XX век есть век Америки, век мирового господства американских империалистов. Провал попыток американских монополистов распространить кабальный «план Маршалла» на Советский Союз и страны народной демократии, губительное действие «плана Маршалла» в странах Западной Европы, банкротство американской политики в Азии, обострение противоречий внутри империалистического лагеря — все это знаменует крушение расистской, геополитической концепции американских империалистов, прикрываемой ширмой космополитизма.

Политика Трумэна и Черчилля, политика порабощения всех народов, не говорящих на английском языке, вызвала жгучую ненависть народных масс во всех странах против американско-английского империализма. Народы Азии, десятилетиями и веками угнетаемые капиталистическими державами, поднялись на борьбу против империалистического рабства. В странах Европы растет и крепнет отпор народных масс наглой американской экспансии.

Разоблачая империалистические замыслы англо-американских претендентов на мировое господство, товарищ Сталин в своем интервью относительно фултонской речи Черчилля указывал:

«По сути дела г. Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война.

Но нации проливали кровь в течение пяти лет жестокой войны ради свободы и независимости своих стран, а не ради того, чтобы

заменить господство гитлеров господством черчиллей. Вполне вероятно поэтому, что нации, не говорящие на английском языке и составляющие вместе с тем громадное большинство населения мира, не согласятся пойти в новое рабство»¹.

Этот вывод товарища Сталина раскрывает беспочвенность и обреченность американо-английских планов мирового господства, несостоятельность всех геополитических, расистских теорий, призванных обосновать безумные планы закабаления народов мира американскими монополистами.

Значение народонаселения

В своей работе «О диалектическом и историческом материализме» товарищ Сталин блестяще развил марксистскую критику той социологической теории, которая видит главную причину развития общества в росте населения. Товарищ Сталин доказал, что рост народонаселения не является и не может явиться главной силой развития общества, определяющей характер общественного строя, физиономию общества.

Вопрос о роли народонаселения в развитии общества со всей остротой встал еще в период разложения феодализма и утверждения буржуазного общества. Между защитниками феодальной аристократии и идеологами буржуазии разгорелись тогда ожесточенные споры по этому вопросу.

Идеологи подымавшейся буржуазии обосновывали благотворное влияние роста населения как основной силы общественного развития. Сторонники этой социологической теории утверждали, что густота населения является решающим условием для развития общества, что чем быстрее растет население, тем быстрее развивается само общество. Это направление в социологии тесно связано было с теорией трудовой стоимости, выдвинутой буржуазными экономистами. Признавая, что стоимость товаров определяется количеством труда, затраченного на их производство, представители этой теории учили, что благосостояние общества будет тем выше, чем больше труда прилагается к производству товаров. Разумеется, под благосостоянием общества они понимали рост богатства буржуазии, а предназначение труда видели в умножении этого богатства класса капиталистов.

Английский экономист XVII века Вильям Петти считал, что рост народонаселения является основой всех богатств. Редкое народонаселение, писал он, — это настоящая бедность; нация в восемь миллионов голов вдвое богаче нации, которая на этой же площади насчитывает только четыре миллиона.

Такого рода взгляды на роль народонаселения впоследствии развивали английские экономисты: Джемс Милль, Томас Годский и др. Милль в книге «Элементы политической экономии» писал.

¹ «Большевик» № 5 за 1946 год.

что от плотности населения зависят социальные отношения и производительность труда. Подобные же соображения высказывал и Годскин в своей «Популярной политической экономии». Когда возрастает количество рабочих, писал он, производительная сила общества увеличивается в сложной пропорции, полученной путем умножения возрастания числа рабочих на результат деления труда между ними.

Учение о том, что плотность населения является главной силой общественного развития, выражало в свое время идеологию буржуазии в ее борьбе против «непроизводительных сословий» — дворянства, духовенства, — против аристократической монархии с ее огромной массой чиновников и многочисленной челядью. Это учение в то время имело известное прогрессивное значение. Но понятно, что, выступая от имени всего общества, буржуазия боролась за свои классовые интересы, за переход экономического могущества и политической власти из рук феодалов в руки капиталистов.

Идеологи буржуазии ратовали за прогресс науки, промышленности и земледелия, заявляли, что улучшение техники производства может обеспечить получение все большего количества продуктов потребления. Они считали, что рост народонаселения будет сопровождаться более быстрым увеличением производства средств существования, а следовательно, потребности возрастающего населения будут все полнее удовлетворяться.

Эти идеи о неуклонном прогрессе человеческого общества особенно настойчиво пропагандировал идеолог французской буржуазии XVIII века Кондорсэ. В своей книге «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» Кондорсэ утверждал, что совершенствование производства будет иметь своим следствием сокращение времени и труда, необходимого для изготовления предметов потребления, и беспрекывное увеличение средств существования. «Тогда, — писал он, — обрабатывая меньшую земельную площадь, удастся получить массу пищевых продуктов гораздо большей полезности и более высокой ценности, чем раньше давала большая площадь... Итак, не только та же земельная площадь сможет прокормить большее количество людей, но каждый из них, занятый менее тяжелым трудом, будет питаться более целесообразно и сможет лучше удовлетворять свои потребности»¹.

Буржуазия, рвавшаяся к власти, обвиняла земельную аристократию в том, что она довела до нищеты население, и выдавала себя за блюстителя интересов масс. Свое обогащение от эксплуатации трудящихся она преподносила как рост общественного богатства, как всеобщий прогресс человеческого общества.

Идеологи земельной аристократии, оправдывая господство землевладельцев, старались доказать, что в нищете населения повинны сами массы, так как они слишком быстро размножаются. Так, в

¹ Кондорсэ. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума, стр. 239.

истории социологии появилась школа, которая считает рост народонаселения злом, приводящим к нищете и ко всяким бедствиям в общественной жизни. Эту антинаучную и реакционную точку зрения развивали некоторые экономисты XVIII века и особенно яростно ее проповедовал английский экономист поп Мальтус.

В своей книге «Опыт о законе народонаселения» Мальтус утверждал, что население всегда оказывает давление на средства существования, что средства существования растут в арифметической прогрессии, а население увеличивается в геометрической прогрессии. Увеличивающийся рост населения сверх имеющихся в его распоряжении средств существования является, по Мальтусу, причиной всей нищеты, всех пороков. «Главная и непрерывная причина бедности, — уверяет Мальтус, — мало или вовсе не зависит от образа правления, или от неравномерного распределения имуществ; — богатые не в силах доставить бедным работу и пропитание; — поэтому, бедные, по самой сущности вещей, не имеют права требовать от них работы и пропитания»¹.

Книга Мальтуса о народонаселении, вышедшая в 1798 году, предназначена была служить оружием против народного возмущения, возросшего под влиянием французской революции. Раскрывая социальные корни и партийную направленность мальтузианской теории народонаселения, Маркс писал: «Большой шум, вызванный этим памфлетом, объясняется исключительно партийными интересами. Французская революция нашла в Британском королевстве страстных защитников: «принцип населения», медленно вырабатывающийся в XVIII веке, потом с трубными звуками и барабанным боем возвещенный среди великого социального кризиса как несравненное противоядие против теории Кондорсе и других, был с ликованием встречен английской олигархией, которая увидела в нем великого искоренителя всех стремлений к дальнейшему человеческому развитию»².

Маркс показал полную несостоятельность мальтузианской теории народонаселения, доказав, что так называемое перенаселение вовсе не является каким-то естественным законом природы, что оно порождается определенными историческими условиями, а именно капиталистическими условиями производства. Критикуя человеконенавистническую теорию Мальтуса и его сторонников, Маркс писал: «...консервативные интересы, слугою которых был Мальтус, мешали ему видеть, что чрезмерное удлинение рабочего дня вместе с необычайным развитием машин и эксплуатацией женского и детского труда должно было сделать «избыточной» значительную часть рабочего класса, в особенности с прекращением созданного войной спроса и английской монополии на мировом рынке. Само собой разумеется, было гораздо удобнее, гораздо более соответствовало интересам господствующих классов, которым Мальтус воскурял

¹ Мальтус. Опыт о законе народонаселения, т. II, стр. 341. Изд. 1868.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 677.

фимиам с чисто поповским усердием, объяснять это «перенаселение» вечными законами природы, а не исключительно историческими естественными законами капиталистического производства»¹.

Маркс с неотразимой обличительной силой показал, что Мальтус отстаивает интересы аристократии против буржуазии и интересы их обоих — против пролетариата. «Мальтус защищал интересы промышленной буржуазии лишь постольку, поскольку они тождественны с интересами землевладения, аристократии, т. е. против массы народа, против пролетариата; но там, где интересы буржуазии и аристократии расходятся и враждебно противостоят друг другу, он становится на сторону аристократии против буржуазии»².

Конфликт между буржуазией и аристократией в период борьбы буржуазии за политическую власть не помешал последующему объединению идеологических воззрений этих двух эксплуататорских классов. Острые мальтузианства было направлено против народных масс. Буржуазия по мере утверждения своего господства охотно перенимала мальтузианские бредни как оружие борьбы с поднимающимся рабочим движением.

Уже в произведениях Рикардо, наряду с критикой крайностей мальтузианства, обнаруживается признание с известными оговорками основного тезиса Мальтуса. «...Хотя при самых благоприятных обстоятельствах, — писал Рикардо, — возможность роста производительных сил, вероятно, превосходит способность населения к размножению, долго такое состояние продолжаться не может, потому что при ограниченности количества земли и неодинаковом качестве производительности ее с каждым новым увеличением капитала, прилагаемого к ней, будет понижаться, тогда как способность населения к размножению продолжает оставаться прежней»³.

Рикардо утверждал, что в слабо развитых странах, где в изобилии имеется плодородная земля, возможно еще в течение долгого времени удовлетворять потребности возрастающего населения. Что же касается развитых европейских стран, то здесь, по его мнению, возрастающее население давит на средства существования, и единственным выходом является уменьшение населения.

Проследивая развитие буржуазной политической экономии, Энгельс еще в 1843 году отмечал переход ее на позиции мальтузианства. Она, как указывал Энгельс, с успехом боролась с мальтусовыми недепестями, но в конце концов опять пришла к мальтусовым выводам.

Буржуазные теории народонаселения во всех разновидностях как на Западе, так и в России давно уже стали идеологическим оплотом реакции. К такому концу пришла и теория, считающая рост населения главной движущей силой исторического прогресса.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 577.

² К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. I, стр. 204. Изд. 1936.

³ Давид Рикардо, Соч., т. I, стр. 51. Изд. 1941.

В России сторонниками этой социологической теории были М. Ковалевский, П. Милюков и другие буржуазные историки и экономисты.

М. Ковалевский писал: «Продолжительные изыскания привели меня к тому заключению, что главным фактором всех изменений экономического строя является не что иное, как рост населения»¹. Он утверждал, что изменение форм народного хозяйства, изменение форм жизни зависит от темпа роста населения. Формы народного хозяйства, писал Ковалевский, не следуют друг за другом в произвольном порядке, но подчинены известному закону преемства. Важнейшим фактором их эволюции является в каждый данный момент и в каждой данной стране рост населения, большая или меньшая его густота.

Положения об определяющей роли роста народонаселения в развитии общества, будучи крайне односторонними, вначале выражали все же некоторые антикрепостнические, демократические тенденции и были направлены против теории, видящей движущую силу истории в абсолютнистском государстве. Однако с конца XIX и начала XX века эти положения в работах Ковалевского приняли реакционный смысл. Развитие рабочего движения в России под знаменем марксизма вызвало бешеную злобу в среде буржуазии. Идеологи буржуазии усиливали нападки на теоретические основы пролетарского социализма, стараясь подорвать материалистическое понимание истории.

Теория об определяющей роли народонаселения в развитии общества использована была Ковалевским и его единомышленниками для борьбы против марксизма. В предисловии к книге Монтескье «О духе законов», изданной в 1900 году, Ковалевский открыто противопоставляет свою теорию народонаселения марксистскому пониманию законов развития общества. Он утверждает, что рост народонаселения не зависит от перемен в производстве, а сам обуславливает эти перемены. В теории и политике Ковалевский становится глашатаем идей контрреволюционной либеральной буржуазии России.

Откровенно реакционный характер приобрела теория народонаселения у Милюкова. Этот «теоретик» кадетов использовал теорию народонаселения для оправдания эксплуатации труда капиталом, для обоснования колониальной экспансии. «...Население каждой страны, — писал Милюков, — имеет склонность увеличиваться само собой, стихийно, автоматически, и... такое автоматическое возрастание населения является главным толчком, заставляющим людей увеличивать количество труда, необходимого для поддержания жизни, и изменять его форму»².

¹ М. М. Ковалевский. Развитие народного хозяйства в Западной Европе, стр. 2. Изд. 1899.

² П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. 1, стр. 21. Изд. 1909.

Таким образом, усиление эксплуатации труда объясняется Миллюковым не законами капитализма, не капиталистической безграничной жадностью наживы, а автоматическим возрастанием населения, тем, что при увеличении населения людям необходимо больше трудиться для своего же пропитания. Беззастенчиво оправдывая все большее наступление капитала на труд, Миллюков заявлял, что по мере роста населения должна неизбежно возрастать напряженность, интенсивность труда.

Среди современных буржуазных социологов и экономистов Запада также встречается немало сторонников теории роста народонаселения, которое, конечно, рассматривается как объект капиталистической эксплуатации. Так, например, американский профессор-экономист Спигель в книге «Текущие экономические проблемы» доказывает, что чем больше населения, тем больше рынок для сбыта товаров и тем дешевле рабочая сила. Он старается внушить буржуазии, что рост населения выгоден ей.

Однако следует подчеркнуть, что подавляющее большинство современных идеологов буржуазии является разносчиками людоедских мальтузианских теорий.

В эпоху империализма — эпоху загнивающего капитализма — резко обострилось относительное и абсолютное обнищание рабочего класса, необычайно усилился гнет капитала над трудом и вместе с этим высоко поднялись волны освободительного движения народных масс против эксплуататоров, особенно под влиянием победы Великой Октябрьской социалистической революции. В борьбе против революционного движения трудящихся масс империалистическая буржуазия, наживающая огромные барыши на нищете, разорении и голоде масс, старается внушить трудящимся, что рост нищеты является естественным и неизбежным законом жизни, что нищета является не результатом капиталистической эксплуатации, а следствием быстрого размножения населения.

Реакционные теории народонаселения широко используются ныне империалистической буржуазией для оправдания насквозь прогнившего капитализма, для защиты империалистической экспансии. Стародавние бредни мальтузианства стали теперь модным товаром на идеологическом рынке империалистов. Буржуазные экономисты, политиканы и философы призывают к истреблению десятков миллионов «избыточного населения». Появились специальные трактаты, проповедующие людоедские теории мальтузианства. Таковы вышедшие за последние годы в США книги: Пирсона и Харпера — «Мировой голод», Фогта — «Путь к спасению», Фримена — «Социальный упадок и возрождение» и многие другие. В этих челоконенавистнических сочинениях «доказывается» необходимость сокращения населения более чем в два раза и содержится прямой, открытый призыв к истреблению «излишних» народных масс. В гнусных мальтузианских трактатах воспеваются в качестве благодетельных такие факторы, как война, голод, эпидемия и другие, ведущие к гибели миллионные массы людей.

Вот некоторые из человеконенавистнических откровений Фогта: «К несчастью, несмотря на войну, германские зверства и недоедание, население Европы, не считая России, увеличилось за время с 1936 до 1946 года на 11 миллионов человек». Или еще: «Самой страшной трагедией для Китая было бы сейчас снижение смертности населения... голод в Китае, пожалуй, не только желателен, но и необходим». Фогт готов приветствовать все бедствия и катастрофы, лишь бы они привели к резкому сокращению населения.

В оправдание капитализма буржуазными экономистами, социологами и публицистами усиленно распространяется мнение, будто бы причиной упадка европейских стран является рост народонаселения. В американском журнале «Форин аферс» в июле 1948 года была опубликована статья бывшего президента Американского социологического общества Руперта Ванса «Мальтус и принцип народонаселения». Автор статьи сетует на то, что за последние 150 лет население земли удвоилось. «Наиболее характерной чертой этого развития за истекший период времени является перенаселенность Европы», — уверяет он.

Итак, перенаселенность Европы — вот, оказывается, в чем причина упадка европейских капиталистических стран, вот в чем, оказывается, кроется угроза цивилизации.

Такую же теорию развивает небезызвестный английский философ Бертран Расселл. В американском журнале «Юнайтед нейшенс уорлд» в августе 1948 года Расселл опубликовал статью о причинах упадка современной цивилизации, в которой тщится доказать, что населения развелось слишком много, что рождаемость очень быстро увеличивается, что средств существования нехватит уже для современного поколения, а при дальнейшем размножении населения вся человеческая цивилизация окажется под угрозой. «Если население земного шара, — угрожает Расселл, — будет расти, то невозможным станет прокормить его. Поэтому цивилизованное общество может быть устойчивым, если процент рождаемости будет настолько низок, что не приведет к сильному увеличению населения».

Не так давно в Англии вышла книга Дадли Баркера «Потребность в людях стран Британского содружества наций», в которой автор заявляет, что из 50 млн. населения британских островов 20 млн. являются излишним населением и должны эмигрировать. Без этого, по уверению Баркера, нельзя повысить жизненный уровень населения Англии.

Баркер при этом умалчивает, что английское правительство заботится не о повышении жизненного уровня населения, а о баснословном повышении прибылей капиталистов и о непрерывном увеличении расходов на вооружение, на подготовку войны. Известные английские прогрессивные ученые Бернал и Корнфорт в своей книге «Наука в борьбе за мир и социализм» сообщают красноре-

чивые факты о том, куда направлено внимание правящих кругов Англии. Из всей суммы средств, предназначенных для научных исследований, около 80 проц. расходуется на создание новых видов вооружения, только 3,5 проц. — на работы в области сельского хозяйства и 1,5 проц. — на исследования в области медицины.

Капитализм давно уже прогнил, и в этом причина упадка капиталистических стран. Однако буржуазные идеологи твердят, что все беды проистекают от быстрого размножения населения. При этом сбрасывается со счетов находящийся в вопиющем противоречии с этой «теорией» факт, что экономический упадок больше всего проявляется в тех странах, в которых давно уже рост населения замедлился и даже прекратился. В Англии за десятилетие с 1931 по 1941 год прирост населения сократился в четыре раза по сравнению с последними десятилетиями XIX века. В Бельгии уже накануне второй мировой войны прирост населения прекратился, а во Франции началось сокращение населения, рождаемость стала меньше естественной убыли населения. Вторая мировая война и ее последствия привели к дальнейшему падению роста населения.

Тем не менее тезис о «перенаселении» стал официальной доктриной как правящих кругов империалистических держав, так и правосоциалистических предателей, которые и в этом отношении выступают подпевалами империалистических хищников. Состоявшееся в мае 1950 года в Лондоне совещание министров иностранных дел трех главных капиталистических держав — США, Англии и Франции — выдвинуло «проблему избытка населения в Западной Европе» и решило изыскать возможности для широкого переселения людей из западноевропейских стран.

Незадолго до этого совещания газета «Дейли Мейл» в сотрудничестве с ЮНЕСКО опубликовала серию статей на тему «Продовольствие и население». В статьях Олдоса Хаксли, открывших эту серию, выдвинуто было требование установить единую мировую политику сокращения населения, которая должна быть принудительно навязана всем нациям. Сопоставляя эти требования с лондонской декларацией Ачесона, Бевина и Шумана, нетрудно заметить, что буржуазная пропаганда о перенаселении нераздельно связана с агрессивными планами империалистических поджигателей войны, с их стремлением подавить демократическое движение в странах Европы.

Понятно, что человеконенавистническая теория, объявляющая миллионы людей «избыточными» и требующая «во имя цивилизации» сокращения населения земли, является весьма ненадежной идеологической подпоркой империализма. Эта гнусная теория вызывает жгучую ненависть народных масс по отношению к капиталистическому строю, который делает миллионы людей безработными, нищими, голодными, бездомными, обрекает их на вымирание. Идеологи империализма, объявляющие миллионы людей «лишними людьми», невольно признают, что капитализм стал тор-

мозом прогресса, что он обрекает человечество на муки голода и нужду, на истребление и гибель.

В обстановке нарастающего нового экономического кризиса, когда и без того низкий жизненный уровень трудящихся еще более падает, когда в капиталистических странах уже десятки миллионов безработных и полубезработных обречены на муки нищеты и голода, буржуазные правительства резко сокращают бюджетные ассигнования на нужды населения, урезают даже те нищенские пособия по безработице, которые под давлением рабочего класса были введены в некоторых государствах. Характерно, что и здесь буржуазия в оправдание своей гнусной политики выпускает на сцену лжеученых, которые тщатся доказать, что помощь безработным со стороны государства незаконна, что она подавляет «свободу индивидуальности». Об этом с серьезным видом учености трактует, например, американский журнал «Социология и социальные исследования». В № 3 за 1949 год на стр. 200 этого журнала прямо так и говорится: «Правительство не должно снабжать людей работой или спасать их от бедствий безработицы. Это — дело индивидуальной предприимчивости и частной благотворительности».

Капитализм обрекает десятки миллионов на безработицу, сотни миллионов на нищету и нестерпимые страдания, а «ученые» лакеи буржуазии доказывают, что все это в порядке вещей, что в этом проявляется «свобода личности»! Буржуазия совершает тягчайшие преступления и злодеяния против народа и заставляет своих «теоретиков» обелять капитализм, доказывать естественную неизбежность страданий трудящихся.

Буржуазные урядники от науки, например, усиленно распространяют теорию «убывающего плодородия почвы», являющуюся разновидностью мальтузианских бредней. Эта пресловутая теория псучает, что дополнительные вложения труда и капитала в почву, будто бы не могут привести к увеличению продуктивности земли, что ограниченность площади обрабатываемой земли является непреодолимым препятствием для увеличения производства продуктов питания. Проповедники «закона убывающего плодородия» уверяют, что земля не в состоянии прокормить возрастающее население. Этим же целям служат реакционные теории вейсманизма-морганизма, отрицающие возможность переделки растений и животных в интересах увеличения продовольственных ресурсов. «Ученые» приказчики буржуазии с яростной злобой нападают на мичуринскую биологию, ибо она разоблачила распространяемый буржуазными генетиками обман, будто в силу непреложных законов природы нельзя увеличить производство средств питания и удовлетворить потребности всех людей. Усердный лакей империализма английский биолог Дж. Хаксли в двух номерах английского журнала «Природа» за 1949 год опубликовал объемистую статью о советской генетике, в которой выразил недовольство тем, что в СССР на науку смотрят, как на деятельность, предназначенную для до-

стижения практических результатов. Хаксли яростно защищает менделизм, хотя сам же признает, что он никогда не приносил пользы людям в их практической жизни. Дж. Хаксли систематически выступает в печати и по английскому радио с мальтузианским призывом ограничить рост народонаселения. Под маской ученого этот лакей империализма упорно проповедует человеконенавистническую теорию сокращения населения.

Гниение капиталистической системы хозяйства с особой наглядностью видно из того, что буржуазия открыто провозглашает целью науки не избавление населения от нищеты, а оправдание нищеты населения, восхваление истребительных войн и всяческих бедствий.

Реакционные бредни мальтузианства ныне находятся на вооружении империалистических агрессоров, поджигателей новой войны. Империалистические захватчики, готовящие новую войну, стараются посеять презрение к людям, обесценить человеческую жизнь, насадить идеологию человеконенавистничества, утвердить варварский культ истребления людей.

Немецкие фашисты яростно проповедовали теорию человекоистребления и проводили ее с устрашающей жестокостью. Гитлеровцы внушали своим приверженцам, что немцам нехватает «жизненного пространства», что мир должен быть завоеван немцами, что для этого надо прежде всего вытеснить и истребить славянские народы — русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов. Гитлеровцы призывали убивать каждого, кто не хотел нести ярмо немецких империалистов. Миллионы убитых и замученных гитлеровцами людей, механизированное человекоистребление в Майданеке, Освенциме и в других фашистских лагерях смерти — таковы плоды человеконенавистнической теории и практики гитлеровцев.

Немецкие фашисты являлись партией наиболее хищных и разбойничьих империалистов среди империалистов мира. После разгрома гитлеровской Германии роль наиболее хищных и разбойничьих империалистов взяли на себя американские монополисты, рвущиеся к завоеванию мирового господства. Американские империалисты и их европейские пособники стали глашатаями человекоистребительной идеологии.

Современные англо-американские мальтузианцы неустово трубят о том, будто войны между народами неизбежны ввиду слишком быстрого роста населения и в связи с этим столь же быстрого уменьшения ресурсов природы. Так, редактор американского журнала «Попюлейшн бюллетин» Барч в опубликованной им статье «Сколько людей может прокормить земля» уверяет, что лишь одна треть нынешнего населения может быть обеспечена прожиточным минимумом, что в этом недостатке средств существования коренятся причины двух прошедших мировых войн. «В связи с ростом населения, — заключает сей «ученый» поджигатель войны, — существует постоянная угроза третьей мировой войны». Своей «ученой» болтовней мальтузианцы стараются снять с империалистов ответ-

ственность за развязывание разбойничьих войн, посеять в массах лживые измышления о причинах войн, подорвать борьбу масс против поджигателей новой войны.

Английский философ изувер Расселл, занимающийся проповедью мальтузианства, на протяжении ряда последних лет выступает с гнусными призывами к войне против народов Советского Союза. Этот злобный реакционер уверяет, что он проповедует «войну во имя уничтожения войн». Путь к миру философствующий людоед видит в том, чтобы уничтожить Советский Союз, задушить освободительное движение во всем мире, создать «единое мировое правительство», опирающееся на англо-американские вооруженные силы. Это разбойничье «сверхгосударство» должно, поучает Расселл, регулировать рост населения и установить «порядок» в мире.

Борьба против ига империализма и разрушительных войн включает в себя как необходимое условие разоблачение той духовной сивухи, которой буржуазия отравляет сознание масс. Марксизм-ленинизм ведет беспощадную войну против буржуазной идеологии, в том числе против реакционных мальтузианских бредней. История большевистской партии дает величественную картину борьбы Ленина и Сталина со всякими проявлениями буржуазной идеологии, со всяческими врагами и извратителями марксизма.

Руководя борьбой рабочего класса за свержение господства эксплуататоров, за социалистическое переустройство общества, развивая в ходе этой борьбы марксистскую науку, Ленин и Сталин нанесли сокрушительный удар по всяческим буржуазным теориям народонаселения.

Ленин подверг уничтожающей критике мальтузианские взгляды буржуазного идеолога Ланге, которого Маркс в свое время изобразил как проповедника напыщенного, высокопарного невежества. Опровергая измышления Ланге многочисленными фактами живой действительности, развивая марксистскую критику мальтузианства, Ленин сделал замечательно глубокий вывод о подходе к изучению законов народонаселения. «Условия размножения человека непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов, и потому закон народонаселения надо изучать для каждого такого организма отдельно, а не «абстрактно», без отношения к исторически различным формам общественного устройства»¹.

Ленин со всей остротой и беспощадностью разоблачил мальтузианство Струве — этого матерого апологета буржуазии. Струве усиленно пропагандировал тезис, будто «перенаселение вызывается несоответствием размножения со средствами существования». Критикуя этот подлый мальтузианский тезис, Ленин писал: «Перенаселение в земледельческой России объясняется господством капитала, а не отсутствием соответствия между размножением и средствами существования населения»².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 433.

² Там же, стр. 458.

Ленин показал, как Струве бесстыдно и нагло прикрашивает и оправдывает капитализм, объясняя разорение крестьянства не ростом капитализма, а «ростом населения».

Ленин раскрыл глубочайшую пропасть между реакционной мальтузианской проповедью, выражающей страх гибнущих классов перед историческим развитием, и социалистической идеологией пролетариата как мировоззрением боевого, жизнеспособного, растущего, крепнущего класса, которому принадлежит будущее. Низким и трусливым, жизнененавистным и своекорыстным мальтузианским измышлениям Ленин противопоставил великое жизнеутверждающее мировоззрение рабочего класса, проникнутое глубоким историческим оптимизмом, несокрушимой верой в торжество социалистических идеалов.

«Рабочий класс не гибнет, а растет, крепнет, мужает, сплачивается, просвещается и закаляется в борьбе. Мы — пессимисты насчет крепостничества, капитализма и мелкого производства, но мы — горячие оптимисты насчет рабочего движения и его целей. Мы уже закладываем фундамент нового здания, и наши дети достроят его.

Вот почему — и только поэтому — мы безусловные враги неомальтузианства, этого течения для мещанской парочки, заскорузлой и себялюбивой, которая бормочет испуганно: самим бы, дай бог, продержаться как-нибудь, а детей уж лучше ненужно...

Сознательные рабочие всегда будут вести самую беспощадную борьбу против попыток навязать это реакционное и трусливое учение самому передовому, самому сильному, наиболее готовому на великие преобразования классу современного общества»¹.

В своих гениальных трудах по аграрному вопросу Ленин вскрыл до корней реакционную сущность «закона убывающего плодородия почвы». Ярыми проповедниками этого «закона» в России выступали Булгаков, Маслов и прочие буржуазные и меньшевистские экономисты, а на Западе — Брентано, Давид и многие другие буржуазные и социал-реформистские идеологи.

Критикуя «закон убывающего плодородия почвы», Ленин доказал, что «это есть вульгарный буржуазный апологетизм».

Мальтузианство и, в частности, «закон убывающего плодородия почвы» служили и служат прямым оправданием эксплуатации и нищеты масс, паразитизма и насилий господствующих классов. Они являются также прямым оправданием империалистических захватов.

Империалистическую суть этого «закона» откровенно выболтал немецкий экономист Давид. Он уверял, что этот «закон» не позволяет увеличить количество продуктов на ограниченной земельной площади, что в силу «закона понижающихся урожаев» германское земледелие не в состоянии производить необходимое количе-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 206—207.

ство хлеба. Отсюда прокладывался мост к бредовым идеям о расширении «жизненного пространства» для немцев.

Разоблачая несостоятельность и реакционность пропагандируемого Давидом «закона понижающихся урожаев», Ленин писал:

«Буржуазный апологет, естественно, стремится игнорировать общественные и исторические причины отсталости земледелия, сваливая вину на «консервативность сил природы» и на «закон убывающего плодородия». Ничего кроме апологетики и тупоумия не содержится в этом пресловутом законе»¹.

На основе обобщения великого опыта социалистического строительства в СССР товарищ Сталин до конца разоблачил несостоятельность мальтузианских теорий, завершил разгром реакционных идей о неодолимой ограниченности естественных ресурсов природы. Товарищ Сталин показал, что «перенаселение» и «малоземелье» в царской России ничего общего не имели с законами природы, что в результате социалистического переустройства сельского хозяйства исчезли и «перенаселение» и «малоземелье». В своей знаменитой речи на конференции аграрников-марксистов товарищ Сталин говорил:

«Многие думали тогда, что малоземелье это является абсолютным, т. е. что в России не имеется больше свободных земель, годных для обработки. А что выяснилось на деле? Теперь совершенно ясно, что свободных земель было и осталось в СССР десятки миллионов гектаров, но обработать их своими жалкими орудиями крестьянин не имел никакой возможности..»

Значение колхозного движения во всех его фазах, — и в первичной его фазе, и в более развитой фазе, когда оно вооружено тракторами, — состоит, между прочим, в том, что крестьяне получают теперь возможность пустить в ход заброшенные земли и целину. В этом секрет громадного расширения посевных площадей при переходе крестьян на коллективный труд»².

Социалистическая индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства открыли невиданные ранее источники развития общественных производительных сил и увеличения средств потребления для населения. Осуществление великого плана преобразования природы на обширной территории страны, строительство грандиозных электростанций, каналов, гидротехнических сооружений в целях развития хозяйства, получения высоких и устойчивых урожаев является новым свидетельством неиссякаемой силы социалистической системы хозяйства, обеспечивающей неуклонное повышение материального благосостояния трудящихся. Практика социалистического строительства в СССР опрокинула и развеяла в прах все буржуазные измышления об ограниченности ресурсов природы.

Мицуринская биология с неопровержимой научной доказательностью подтвердила марксистское положение о том, что с уничтожением

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 160.

² И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 155—156.

капитализма рушатся преграды, мешающие людям стать хозяевами природы и управлять ею в интересах человека. Великий ученый И. В. Мичурин уже в первом десятилетии Советской власти возвестил наступление новой эры отношения людей к природе, предсказал неисчислимо увеличенные естественных богатств в результате преобразующей деятельности человека. «...Теперь, когда человек в пути своей эволюции достигло более высшей точки своего развития, оно уже не может быть в зависимости от случая, его не удовлетворит пользование подачками слепой для его нужд природы. Теперь наступило время, когда человек может не только делать мертвые механизмы различных машин, но и создавать живые организмы новых видов растений, а в будущем, вероятно, достигнет и творения новых видов животных, более полезных для его жизни»¹.

Социалистическое общество не знает преград в овладении силами природы. Социализм не имеет «лишних людей», каждому человеку при социализме находится достойное место в жизни, каждому человеку обеспечен творческий труд по его способностям.

В условиях советского общества, где уничтожены эксплуататорские классы, ликвидированы кризисы и безработица, разорение и нищета масс, где материальное благосостояние трудящихся неуклонно повышается, — численность населения быстро возрастает. В речи на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок товарищ Сталин говорил: «У нас теперь все говорят, что материальное положение трудящихся значительно улучшилось, что жить стало лучше, веселее. Это, конечно, верно. Но это ведет к тому, что население стало размножаться гораздо быстрее, чем в старое время. Смертности стало меньше, рождаемости больше, и чистого прироста получается несравненно больше»².

В советском обществе ежегодно расходуются десятки миллиардов рублей на социальное страхование рабочих и служащих, на бесплатную медицинскую помощь населению, на пособия многодетным и одиноким матерям, на улучшение народного здравоохранения. О внимании партии и правительства к благоустройству быта трудящихся ярко говорят данные о размахе жилищного строительства. В 1946—1949 годах построено и восстановлено жилищ общей площадью свыше 72 млн. квадратных метров. Кроме того, в сельских местностях за это время построено и восстановлено 2,3 млн. жилых домов. Неустанная забота партии и правительства о повышении материального благосостояния и улучшении условий быта трудящихся обеспечивает быстрый рост народонаселения, неизвестный и невозможный в странах капитализма.

В социалистическом обществе, где общественная собственность предоставляет неограниченные возможности для развития произво-

¹ И. В. Мичурин. Соч., т. I, стр. 434—435.

² И. Сталин. Речь на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок с членами ЦК ВКП(б) и правительства, стр. 7. Госполитиздат. 1947.

дительных сил, где нет эксплуататоров и паразитического потребления, где материальные богатства служат всему обществу, — не может и возникнуть проблема «перенаселения». В народном хозяйстве СССР численность рабочих и служащих неуклонно возрастает. В 1930 году в стране было 14 530 тыс. рабочих и служащих, в 1938 году — 28 миллионов. Несмотря на большие потери в людях во время войны, численность рабочих и служащих в послевоенной пятилетке быстро увеличивалась и уже в 1949 году превысила довоенный уровень на 15 процентов. При любом увеличении работоспособного населения у нас не может быть безработицы и рабочая сила всегда находит активное применение в социалистическом производстве.

Мальтузианские антинаучные теории опровергаются также практикой социалистического строительства в странах народной демократии, в которых неуклонно повышается материальное благосостояние масс и непрерывно растет численность рабочих и служащих в народном хозяйстве.

В капиталистических странах «перенаселение» возникает не оттого, что там нехватает «жизненного пространства» и средств к существованию, как это уверяют империалисты и «обосновывают» их «ученые» приказчики, а только оттого, что все богатства принадлежат кучке эксплуататоров, что частная собственность на средства производства тормозит развитие производительных сил, ведет к анархии производства, к кризисам, которые в свою очередь ведут к разрушению производительных сил, к растрате материальных ценностей, к росту безработицы и все большему обнищанию народных масс. И только поэтому масса трудящихся оказывается не обеспеченной самыми необходимыми средствами существования. В империалистической политике и практике сокращения народонаселения наиболее наглядно проявляется враждебность капитализма прогрессу и цивилизации, человеконенавистническая сущность капиталистического строя.

Сопоставляя две системы жизни — капитализм и социализм, народы всего мира все яснее видят, что капитализм угрожает самому существованию человечества, что развитие и расцвет человеческого общества неизбежно связан с победой социализма. Лишь социализм несет народам материальную обеспеченность, мир, свободу и счастье.

Какими бы политическими мотивами ни руководствовались сторонники теории народонаселения, эта теория не выдерживает научной критики. Сторонники этой теории не могут объяснить, почему в разных странах темпы роста и густота населения неодинаковы и чем определяется самый рост населения. Кроме того, эта теория не дает ответа на вопрос, почему данный общественный строй сменяется именно таким-то новым общественным строем, почему первобытный общественный строй сменился строем рабовладельческим, рабовладельческий — феодальным, а не каким-либо другим строем.

Рост народонаселения, как отмечает товарищ Сталин, имеет влияние на развитие общества, облегчает или замедляет это развитие. Но это влияние не является определяющим. Если бы рост народонаселения был определяющей силой развития общества, то от плотности населения зависел бы тип общественного строя, уровень развития общества. Однако факты показывают, что уровень развития общества, формы общественной жизни не определяются густотой, плотностью населения. Например, плотность населения в Бельгии в 26 раз выше, чем в СССР, но в общественном развитии Бельгия отстала от СССР на целую историческую эпоху. В Бельгии все еще господствует капиталистический строй, а в СССР капитализм давно уничтожен, построено социалистическое общество и совершается постепенный переход от социализма к коммунизму.

Рост народонаселения входит в понятие условий материальной жизни людей. Естественно, что там, где населения мало, трудно ожидать бурного развития производительных сил. Наоборот, там, где населения больше, имеется и больше возможностей для быстрого развития производительных сил. Таким образом, народонаселение так же, как и географическая среда, может быть более благоприятным или менее благоприятным условием для общественного развития, но не может являться главной силой, вызывающей изменения в общественной жизни.

«Конечно, — пишет товарищ Сталин, — рост народонаселения имеет влияние на развитие общества, облегчает или замедляет развитие общества, но он не может быть главной силой развития общества, и его влияние на развитие общества не может быть определяющим влиянием, так как сам по себе рост народонаселения не дает ключа для объяснения того, почему данный общественный строй сменяется именно таким-то новым строем, а не каким-нибудь другим, почему первобытно-общинный строй сменяется именно рабовладельческим строем, рабовладельческий строй — феодальным, феодальный — буржуазным, а не каким-либо другим строем»¹. Рост народонаселения не является и не может являться главной силой развития общества. Наоборот, рост народонаселения сам зависит от характера общественного строя, от способа производства материальных благ. Каждому общественному строю свойственны свои законы народонаселения. В буржуазных странах, где усиливается разорение и нищета масс, рост населения резко сокращается или прекращается совсем. В некоторых буржуазных странах численность населения даже падает. В условиях советского общества, где ликвидированы кризисы и безработица, разорение и нищета масс, где материальное благосостояние трудящихся неуклонно повышается, численность населения быстро возрастает.

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 549.

Таким образом, не рост народонаселения определяет развитие общества и характер общественного строя, а, наоборот, от характера общественного строя зависит рост народонаселения.

Следовательно, развитие общества, изменение характера общественной жизни нельзя объяснить ни свойствами географической среды, ни ростом народонаселения, развитие общества и характер общественного строя обуславливаются развитием и характером способа производства материальных благ — главной силы в системе условий материальной жизни общества.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	<i>Стр.</i>
Способ производства как главная сила общественного развития	3
Роль географической среды	20
Значение народонаселения	42

Редактор **Е. В. Михайлова.**

А01989 Подп. к печ. 12/III 1951 г. Зак. 3185. Объем 3³/₄ п. л. Тир. 91 000

Типография Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б).
Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

Цена 1 р. 50 к.